Copyrighted material

Город Жданов. Порт завода «Азовсталь» имени С. Орджоникидзе. Разгрузка пароходов с камыш-бурунским агломератом для доменных печей завода.

Фото М. Медуховского.

На первой странице обложки: Севастополь. Старый боцман И. Е. Безродный рассказывает школьникам о героическом прошлом славного города.

Фото Н. Веринчука.

На четвертой странице обложки: Ярмарка в Теньгушах. (См. в номере репортаж о ярмарке.)

Фото Б. Кузьмина и В. Матвеева.

Copyrighted material

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК № 42 (1427) 17 ОКТЯБРЯ 1954

32-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Севастополь сегодня. Проспект Нахимова.

Фото Н. Драчинского.

Copyrighted material

ВЕЛИКИЙ ВКЛАД В ДЕЛО МИРА

В Пекине подписаны важнейшие для дела мира и дружбы между народами документы, явившиеся результатом переговоров между Правительственной делегацией Советского Союза во главе с первым секретарем Центрального Комитета КПСС и членом Президиума Верховного Совета СССР товарищем Н. С. Хрущевым и руководителями правительства Китайской Народной Республики во главе с премьером

После подписания коммюнике о советско-китайских переговорах.

Copyrighted material

Государственного совета и министром иностранных дел товарищем Чжоу Энь-лаем. Переговоры, в которых также принимал участие председатель Китайской Народной Республики товарищ Мао Цзэ-дун, были посвящены вопросам советско-китайских отношений и международного положения.

На снимке: представитель правительства Китайской Народной Республики, премьер Государственного совета и министр иностранных дел Чжоу Энь-лай (справа) и представитель правительства Союза Советских Социалистических Республик, член Правительственной делегации Советского Союза, заместитель председателя Совета Министров СССР А. И. Микоян (слева) в момент подписания. На церемонии подписания присутствуют (слева направо): Г. Ф. Александров, Е. А. Фурцева, В. П. Степанов, Д. Т. Шепилов, Я. С. Насриддинова, Н. М. Шверник, Н. А. Булганин, П. Ф. Юдин, Н. С. Хрущев, Мао Цзэ-дун, Чжу Дэ, Лю Шао-ци, Очирбат (посол Монгольской Народной Республики в Китае).

На улицах Пекина в дни празднования пятилетия Китайской Народной Республики.

Фото специального корреспондента «Огонька» Дм. Бальтерманца.

Copyrighted material

ДОМАШНЯЯ ХОЗЯЙКА

Главы из романа «Черная металлургия»

А. ФАДЕЕВ

Рисунки О. Верейского.

I

Она медленно, словно бы еще раздумывая, приподняла над ведром тряпку со стекающей с нее грязной водой, постояла так одно мгновение и вдруг шлепнула тряпкой об пол, выпустив ее из рук. Звонкая лучистая лужа расплеснулась по крашеному полу, и брызги попали Павлуше на сапоги. Павлуша стоял у двери на лестницу, весь освещенный ранним утренним солнцем, врывавшимся в переднюю через распахнутые двери комнаты, которую он называл своим кабинетом,— оттуда доносился тяжелый храп отца.

Павлуша понял, что жена рассердилась, рассердилась, как никогда за пять лет их совместной жизни, и в больших серых глазах его, светившихся добродушным мальчишеским лукавством, появилось выражение удивления и жалости к жене.

Даже в этом ее жесте, когда она так вспылила, было что-то беспомощное. Она не швырнула эту тряпку ему под ноги, а точно постелила перед ним. Несмотря на ее двадцать четыре года и на двух ребят, характер ее все еще не мог сформироваться. Чувствам ее всегда не хватало полноты выражения. Гневные слова, вот-вот готовые вырваться из ее полуоткрытого рта с изогнутыми губами, не могли найти себе формы, как и чувства. Она молча стояла перед мужем, отставив кисти рук, с обручальным кольцом на безымянном пальце правой руки, чтобы не замочить застиранный розовый халатик в сиреневых цветочках, наброшенный на голое тело. Глаза ее, густой синевы, смотрели на Павлушу, казалось, без всякого выражения. Ни одна морщинка не бороздила ее чистого лба. Даже румянец выступил на ее детских скулах не от того, что она рассердилась, а от того, что в эти последние минуты перед тем, как Павлуше уйти, пока они ссорились, она, не разгибаясь, мыла пол в передней.

Поразительно, как сразу легли на место ее волосы: стоило ей только выпрямиться, они вмиг подобрались волосок к волоску. Это была природная особенность ее волос, как и цвет их — спелого льна, ранней восковости, немного загущенного, когда в осенний погожий денек по нему волнами гуляет ветер и он переливается то тенями, то глянцем и все больше серебром, а то вдруг и золотом.

Дома, в деревне на Витебщине, она носила косы; они были тогда почти совсем белые, и люди удивлялись, как долго сохраняется их ребячий цвет. Ей исполнилось четырнадцать, когда отец вывез ее с матерью и младшей сестрой сюда, в Большегорск — случилось это в первые дни войны,— но еще весь первый год ученья в ремесленном училище косы ее сохраняли этот свой ребячий цвет. А потом, сама не зная почему, она пошла в парикмахерскую — не своего общежития в «Шестом западном», где ее могли увидеть свои ребята и девушки, а в парикмахерскую в «Соснах», где жили тогда ее родители, и попросила отрезать косы по шейку. И когда их отрезали, и вымыли ей голову шампунем, и причесали волосы большим дюралюминиевым гребнем, они сразу легли так, как сейчас.

В ту пору она совсем не думала, что найдутся ребята, которым будет жалко этих кос. Ей просто показалось, что волосы начинают желтеть,— возможно, от воды,— и всегда так трудно было вымыть такие длинные, густые волосы. Но волосы вовсе не желтели, а с возрастом приобретали тот непередаваемый словами золотисто-серебряный, переливчатый цвет спелого льна, которому суждено было стать их натуральным цветом.

Потом Павлуша рассказывал, что ему очень жалко было ее кос, потому что он будто бы уже в те дни заглядывался на нее. Может быть, это была и правда. Но еще больше он

любил ее с этими подстриженными волосами, которые причесывала, казалось, сама природа. Когда жене приходилось нагнуться, а потом выпрямиться и волосы вот так же сами собой подбирались один к одному, Павлуша вдруг обхватывал ее голову своими большими ладонями и говорил:

— Ох ты ж, головушка моя!

И целовал ее в полуоткрытый рот.

А теперь ему, должно быть, все равно было, как складно улеглись ее волосы после того, как она, перегнувшись через какую-то невидимую перевязь под животом, словно поддерживавшую ее тонкий стан в подвешенном положении, с невиданной легкостью и быстротой вымыла полы в столовой и в спальне, и уже кончала переднюю, и вдруг выпрямилась перед мужем. Должно быть, он привык теперь к этим ее необыкновенным волосам и к ее тонкому, девичьему стану, который он мог держать в руках своих, и уже не замечал, как выглядит этот ее прелестный стан среди предметов и людей.

И ей даже не в чем было упрекнуть его. Они сошлись такими юными, когда никто из них и не помышлял понуждать другого к выбору того или иного рода жизненного поведения; она сама пошла на то, что стало теперь главной причиной ее душевной неустроенности. А Павлуша попрежнему был добр и ласков, делился с ней всем, что широким потоком вливалось в его жизнь, и даже в минуты размолвок с женой никогда не повышал на нее голоса. Когда она могла поспеть за Павлушей и внешние обстоятельства не препятствовали их желаниям, он охотно вовлекал ее в круг своих новых знакомств, занятий, развлечений.

И долгое время она была довольна своей судьбой, пока не увидела, что Павлуша привык к удобствам, которые предоставляет ему избранный ею род жизни, и не хочет и не умеет думать о ее жизни, как она течет безотносительно к его или их совместному существованию. «У всех так»,— говорил он теперь, если говорил серьезно. Но она видела, что он считает возможности, отпущенные его жене, бо́льшими, чем «у всех», благодаря завоеванному им положению.

А чаще всего он отшучивался.

Она давно уже подметила в нем эту черту добродушного мальчишеского лукавства, позволявшую ему обходить в жизни многое, что он считал более удобным для себя обойти. В этой его душевной ловкости, легкости, удивительной в человеке, который ежедневным трудом своим доказывал всей стране, на какие усилия он способен, так мало было расчета и столько желания не омрачать радости жизни, что эта его черта нравилась людям, нравилась и жене его. Тем безоружнее она оказалась перед мужем, когда это свойство обернулось против нее же.

Кто больше, чем она, знал, что за последний год он не имел возможности учиться, как учился раньше, и только самолюбие мешало ему признаться даже самому близкому другу Коле Красовскому, признаться даже ей, жене, каким беспокойством отражается это в его душе! Но Павлуша так много вращался теперь среди людей более опытных и образованных, столько бывал на разных пленумах, съездах, конференциях, так часто его вызывали в областной центр и даже в Москву, что он набрался всякой всячины, дававшей ему возможность выглядеть более знающим человеком, чем он был, даже перед женой.

В то время когда она, не подымая головы, своими тонкими белыми руками размашисто и сильно водила мокрой тряпкой справа налево и слева направо по полукругу и жаловалась Павлуше на унизительность своего положения, он вдруг сказал ей:

— Ей богу, Тинка, ты рассуждаешь, как жена Егора Булычева! Как это она говорила? «Не за того приказчика я замуж вышла»... Может, и ты не за того приказчика замуж вышла? Ты еще молодая, не поздно переменить...

Он сказал это, как всегда, не вкладывая в свои слова никакого жизненного значения, а только, чтобы отшутиться и получить возможность уйти. И тогда жена шлепнула этой мокрой тряпкой у его ног, и они остановились друг против друга.

Младший сынишка, полутора лет, такой же белоголовый, как мама в детстве, должно быть, удирая от старшего брата, внезапно выбежал на тоненьких беленьких ножках из столовой, сиявшей утренним солнцем, выбежал на влажный пол передней, поскользнулся, упал на попку и на затылок и пронзительно громко заплакал. Из рук его выпала продолговатая коробка, и белые клюковки в сахаре раскатились по полу.

Как это часто бывает в рабочих семьях, где взрослые когда-то сами росли без родительского глаза и вот этак падали и привыкли не придавать значения тому, что дети падают, ни мать, ни отец не бросились к ребенку. Мать не столько услышала, сколько всем своим сердечным опытом почувствовала, что ребенок упал не опасно для него, и даже не оглянулась. А отец на одно мгновение перевел взгляд на раскатившиеся по полу белые клюковки.

Он стоял перед женой с мальчишеским, виноватым и добрым выражением, немного медвежеватый и в то же время ловкий, весь какой-то уютный, круглый — в плечах и особенно по манере держать сильные руки, округлив их в локтях.

Выцветшая от солнца, когда-то темносерая двойка в то время, когда они поженились, была его парадным костюмом. Теперь это была обычная его одежда, в которой он летом ходил на работу, заправив брюки в порыжелые сапоги с короткими широкими голенищами. Единственный вид щегольства, какой он себе позволял, когда шел на работу,— это обязательно свежая, совершенно свежая, на этот раз голубая рубашка с отложным воротничком, расстегнутая на две пуговички у шеи. В открытом треугольнике груди так обильно

Copyrighted material

курчавились волосы, что даже закрывали отстегнутые краешки рубашки. Кепка, еще более выцветшая, чем костюм, была по манере Павлуши немножко больше, чем положено, надвинута на лоб. Жена не могла видеть, но она увидела и даже точно коснулась его круглого затылка, обросшего мягкими русыми волосами, чуть рыжеватыми и чуть курчавившимися. Это было самое юное и самое мальчишеское из всего юного и мальчишеского, сохраненного им почти нерушимо с тех самых пор, как они познакомились, когда он учился в пятнадцатом ремесленном училище, а она — в четвертом.

Она снова увидела мужа таким, каким его любила, и все, что так мучило ее, опять ничем не разрешилось.

— Ах, Павлуша!..— сказала она голосом, полным невыразимой печали.

— Ну что ты, Тинка, право, разве же я серьезно! — сказал он, поняв, что она отступила.

Валька, ловкий круглый увалень, весь в отца, вкатился в переднюю, подхватил младшего брата подмышки и молча поволок его, ревущего, в столовую.

— Эй вы, артисты! Некогда мне сапоги снимать, а не то добрался бы я до ваших ушей,— не повышая голоса, сказал Павлуша.— Тинка, ну видишь? — И он, еще больше округлив руки в локтях, наклонив голову, указал жене на свои сапоги и на вымытый пол передней.— Посмотри, в самом деле, не зашибся ли?

Она инстинктивно боялась коснуться мокрыми руками розового халатика, но ей вовсе было не жалко этого халатика, и теперь она обтерла о него руки, проведя по бедрам, снизу вверх и сверху вниз, лицевой и тыльной сторонами ладоней. Она сделала это уже на ходу, она уже была возле детей.

Она подхватила младшего, Алешку, на руки, утерла ему нос углом халатика, обнажив на солнце белую ногу, тонкую у щиколотки и неожиданно полную, женственную у бедра. В этом наивном материнском движении сказалась и привычка к мужу, человеку настолько близкому, кого и в голову не может придти стесняться. Он и в самом деле не обратил внимания на жест ее. Он удовлетворенно смотрел, как жена легко перенесла Алешку на левую руку и, присев на корточки, правой подняла с пола коробку, вложила эту коробку в пальцы левой, а правой рукой начала собирать конфетки, приговаривая:

— А! А!.. Какие ладненькие!.. А! А!..

Алешка продолжал реветь, и мать сунула ему в рот клюковку в сахаре.

В своей семье, семье Борозновых, Тина с детства была приучена к чистоте и опрятности. В ремесленное училище она, как и Павлуша, поступила уже с семилетним образованием. Но никто и никогда не учил Тину, как обращаться с детьми и как их воспитывать. И она не видела ничего предосудительного в том, чтобы сунуть в рот плачущему ребенку конфетку с пола. Не видел в этом ничего предосудительного и Павлуша.

Алеша засосал конфетку и замолчал. Мать спустила его на пол, продолжая собирать белые клюковки.

Валька, полные загорелые ноги и руки которого несли на себе следы ушибов разной степени давности, следы глубоких засохших царапин и царапин легких, прочертившихся белым по загару, внимательно наблюдал за руками матери, иногда с опаской, лукаво взглядывая на отца и воинственно — на младшего брата.

— То-то, артисты! — сказал Павлуша.— Смотрите мне, слушаться матери и не реветь!.. Я пошел, Тина!

Он опять легко обошел все самое трудное, что встало между ними; Тина, сидевшая в другом конце передней на корточках, взглянула на мужа растерянно и скорбно, по-детски. Он сделал вид, что не заметил ее взгляда. Он смотрел в распахнутые двери в кабинет. И вдруг лицо его изменилось.

Теперь, когда смолкли голоса детей и взрослых, тяжелый храп Федора Никоновича господствовал над всеми звуками в квартире и над теми, что доносились с улицы.

После вчерашней выпивки, после буйных песен, излюбленных отцом, после верчения на радиоле пластинок с джазом Утесова и подпевания Утесову, в чем отцу больше помогал Захар, после того, как отец и брат несправедливо обвиняли Павлушу и кричали на него хриплыми голосами,— после всего этого отец крепко спал теперь на диване в кабинете Павлуши. Он спал на спине, в несвежем грубом белье, со сползшей на пол простыней,— ночью было так душно, что его укрыли только простыней,— спал с открытым ртом, выставив рыжеватые жесткие усы.

Из растворенного окна лились в кабинет потоки света, еще не жаркого, но ослепительного света раннего июньского утра, и в этом чистом свете громадное лицо отца с закрытыми глазами и открытым ртом, изрезанное морщинами по каким-то немыслимым диагоналям, выглядело страшным.

У Павлуши задрожала нижняя челюсть. Сильными, поросшими волосами пальцами он крутнул ручку дверного замка и, не взглянув на жену, вышел на лестницу.

II

Отец приехал вчера. Он уже лет шесть как не работал, хотя был еще силен, а жил тем, что поочередно ездил гостить ко всем сыновьям и дочерям. После того как Павлуша, четвертый и самый младший из сыновей, прославил фамилию Кузнецовых и в дом Павлуши пришел достаток, отец особенно часто ездил к нему. Федор Никонович бывал неизменным гостем младшего сына в те дни зимы, когда производилась ежегодная выплата за выслугу лет, тем более, что в эти дни и третий сын, Захар, представлял такой же интерес для родителя, но Павлушу Федор Никонович не забывал и в другие времена года.

Не столько по родственному чувству, сколько по привычке быть добрым, когда есть возможность, а еще больше по тому самому свойству, подмеченному женой,— с естественной легкостью обходить трудности жизни, которые удобней обойти,— Павлуша старался не вдумываться в отношения, складывавшиеся между ним и отцом.

И впервые за эти пять лет жизни с Тиной Павлуша почувствовал, какая страшная связь была между тем, что он только что увидел на диване в кабинете, и тем, как жена Тина своими тонкими руками возила по полу набухшую водой тряпку и вдруг бросила эту тряпку под ноги Павлуше.

Закрыв за собой дверь, Павлуша остановился на площадке лестницы.

Скоро отец проснется и, в нижнем белье, босой, нечесаный, протащится в ванную, долго будет рычать под холодным душем; потом придет Захар, у которого сегодня выходной день,— они потребуют опохмелиться и уже не выйдут из-за стола до прихода Павлуши. А Тина будет их поить, кормить, молча снося двусмысленные шутки Захара и помыкательство властного, взбалмошного свекра.

И Павлуше стало нестерпимо жалко жену. Он видел ее синие глаза с этим растерянным и скорбным детским выражением, и ясное, чистое видение дней дальних, дней совсем еще юных встало перед ним. Оно возникло на одно лишь мгновение, это далекое видение дней ранней юности,— оно и тогда, в жизни, длилось одно мгновение, а все остальное было обычным, житейским.

...Он — первый, за ним — Коля Красовский, за Колей все ребята их группы, все будущие подручные сталеваров, все с заплечными мешками или чемоданчиками, все, преисполненные восторга даже не от того, что их переводят из барака в настоящее общежитие, а из извечной мальчишеской страсти к переменам ворвались в девятый подъезд знаменитого «Шестого западного» и с гоготом и свистом помчались вверх по лестнице.

Ему и Коле, конечно, хотелось первыми очутиться в комнатке, в которой они будут жить теперь вдвоем. Они не взбежали, а взнеслись на верхний этаж; Павлуша, полуобернув голову, едва успел спросить:

— Какая, он сказал, четвертая слева?

— Четвертая! — вскричал Коля, утративший всю свою скромность.

Павлуша уже был у двери и дернул за ручку и тут же отпустил ее. Дверь не то что распахнулась, она загрохотала, ударившись ручкой о стену, и вся сотряслась, а со стены посыпалась штукатурка. Павлуша шагнул в комнатку...

Комнатка была уже занята. Дом оправдывал свое название — одного из домов западной группы: солнце, склонявшееся к закату, стояло в открытом окне, занавешенном понизу белыми занавесками. Запах одеколона, а может быть, душистого мыла, чувствовался в воздухе, пронизанном горячим светом летнего вечера.

Подушки, взбитые так воздушно, как может взбить их только женская рука, покоились одна на другой на кровати, примыкавшей к окну,— целых три подушки, если считать «думку», хотя всем известно, что ремесленнику полагается только одна подушка. А на ближней кровати у стены, разложив подушки по ширине изголовья, спали две девушки: одна — крупная темная шатенка в яркой оранжевой кофточке и черной юбке, а другая — тоненькая, почти девочка, вся беленькая — в белом платье, белых носочках и с длинными белыми косами, волнисто изогнувшимися по байковому одеялу за ее спиной. Изящная головка тоненькой девушки покоилась на плече старшей подруги. Нежной рукой своей она доверчиво обнимала старшую подругу за талию, другая же ее рука была очень уютно поджата под грудь. А старшая, в оранжевой кофточке, свободной полной рукой, с крупной красивой кистью, бережно укрывала младшую, как крылом.

Павлуша сразу узнал этих девушек, из четвертого: они учились на токарей. Он представил себе, как часам к пяти они пришли с работы в громадных, похожих на цех завода мастерских своего училища, где, должно быть, точили мины,— пришли, освежились под душем, переоделись, наскоро поели в столовой так хорошо знакомого и Павлуше военного супа, а потом вернулись в свою комнатку и впрыгнули обе в кровать: им не терпелось поделиться чем-нибудь, набежавшим за день, что не имело отношения ни к ученью, ни к производству, ни к общественным обязанностям. Они разговаривали вполголоса или шепотом, хотя были только вдвоем; иногда то одна, то другая припадала губами к уху подруги, и лица их принимали то смущенное, то любопытствующее, то загадочное выражение; а то вдруг обе прыскали смехом в подушку. Они даже разрумянились от этого разговора. А потом одна и другая начали зевать и не заметили, как уснули, обнявшись.

В тот момент, когда Павлуша шагнул в комнатку, девушка в оранжевой кофточке сняла с младшей подруги полную руку и повернула на Павлушу и на Колю, часто дышавшего над плечом товарища, черные глаза, в которых за какие-нибудь две — три секунды сменились выражения удивления, гнева, насмешки и, наконец, издевки.

Павлуша представил себя глазами этой девушки — и его всего обдало жаром, как из мартена, даже плечи и руки его побагровели.

Он и Коля принадлежали к поколению учеников второго года войны, поколению, на которое уже не хватало ни форменных фуражек, ни курточек с металлическими пуговицами, ни ремней с бляхами «РУ». Оно училось не за партами, не в мастерских, оно училось, работая наравне со взрослыми у рудных дробилок и промывочных машин, на шихтовке материалов для агломерата, кокса, чугуна, стали, у грохотов и транспортеров, на кранах и под бункерами, у печей всех родов и видов, в литейных дворах, пролетах, канавах и у прокатных станов. Все самое черное — пыльное, мокрое, грязное, жаркое, дымное,— вся преисподняя величественного производства была уделом этого поколения прежде, чем оно получило свою квалификацию. Вступая в смену, оно надевало одежду, не гнущуюся от кристаллов застарелого пота, и достойно носило эту одежду свои восемь, а то и шестнадцать и, если нужно было, все двадцать четыре часа, и уже на десятой минуте пот сочился из одежды, как из губки. А у себя в общежитии это поколение одевалось кто во что горазд.

На Павлуше был вылинявший гимнастический тельник, прилипавший к телу,— полуобнаженная грудь, уже начавшая обрастать волосами, вздымалась и опускалась после стремительного бега. Голые, увлажненные руки с чрезмерно развитыми мышцами Павлуша держал на весу, как борец,— в одной руке был чемоданчик. Кепка, столько вобрав-

Copyrighted material

Copyrighted material

шая в себя всего на производстве, что сама казалась металлической, была по манере Павлуши насунута на лоб.

А девушка в оранжевой кофточке говорила с непередаваемой издевкой в голосе:

— Вставай, Тинка, женихи приехали — уже с чемоданами! Этого, волосатого, ты бери себе, а я возьму того, скромненького, ой, как он запыхался, бедненький!

Теперь, девять лет спустя, стоя на площадке лестницы, Павлуша видел только покоившуюся на плече подруги белую головку, видел строгую линию, отделявшую волосы от тронутого нежным загаром лба и виска, видел длинные косы, вольно струившиеся по одеялу за плечами девушки. Когда она проснулась, она шевельнула золотистыми ресницами и осталась недвижима, будто замерла. А потом медленно повернула голову, и подняла ресницы, и посмотрела на Павлушу синими глазами. Она не испугалась. Глаза были ясные, спокойные и смотрели на Павлушу с доверчивым выражением...

Если бы близкие люди в дни размолвок умели угадывать все, что происходит в душе одного и другого, сколько уловили бы они под житейским мусором глубоких, чистых душевных движений, идущих навстречу, словно ищущих друг друга! Если бы люди умели понимать эти глубокие встречные движения и не боялись доверяться им, сколько было бы сбережено на свете душевных сил, растрачиваемых понапрасну, сколько правды, добра, так часто бесследно умирающих в непонятом человеческом сердце, было бы излито, сколько счастливых и простых решений нашли бы близкие люди в положениях, кажущихся порой безвыходными!..

Павлуша поднял руку — постучать в дверь — и посмотрел на часы: они показывали семь.

Как ни поздно он лег вчера, он предупредил жену, чтобы она разбудила его на час раньше обычного: ему хотелось внезапно появиться у печи в тот самый момент, когда Муса Нургалиев, товарищ Павлуши и Коли Красовского, старший по возрасту и наиболее опытный, хотя и наименее грамотный в их прославленной тройке, будет готовить плавку к выпуску. По состоянию печи, какою Павлуша все чаще принимал ее от Нургалиева, он подозревал, что Муса, поддавшись недоброй игре, начал втихомолку работать на показное выдвижение себя за счет товарищей: смена Павлуши уже не раз работала на сниженном ходу, исправляя баловство Нургалиева — для Красовского. Самолюбивый и хитрый Муса, сталевар старой выучки, был неуязвим, когда дело касалось одних только подозрений да объяснений. И Павлуша хотел сегодня исподволь, не допуская и малейшего зазора в их дружбе, пригнанной годами и столь же прославленной, как их мастерство, проверить работу Мусы.

Жена знала, почему он так торопится, но не удержалась и еще на кухне, пока кормила Павлушу, начала свой трудный семейный разговор. И вот Павлуша опоздал к плавке Мусы; он едва успеет на «сменно-встречный», и то, если поедет на трамвае.

И Павлуша не постучал в дверь, как ему хотелось и как, он чувствовал, должен был поступить, а быстро побежал вниз по лестнице, слегка прихватываясь на поворотах за перила.

III

Но было бы лучше, если бы он вернулся, хотя бы на два слова.

Конечно, она была еще не на пределе возможного навинчивания, эта струна, которую они исподволь подвинчивали и подвинчивали весь последний год, — она была еще не на пределе, но была уже так туго натянута, что почти не звенела.

Машинально Тина добрала конфетки с пола и несколько секунд еще посидела так, на корточках. Алешка дососал свою клюковку и потянулся руками к коробке; прозрачные пальчики ребенка шевелились, как лепестки подводного цветка. Валька терпеливо ждал, когда коробка снова окажется у Алешки и можно будет повторить попытку овладеть ею. Мать, не глядя, сунула ее в шевелившиеся пальчики Алешки, и они так и вцепились в эту чудесную коробку. Но на лице Алешки появилось не животное выражение жадности, а очень человеческое выражение чистой радости. Солнце освещало и эту невинную радость ребенка, сиявшую в его синих глазенках, в улыбке, показавшей первые зубки, и уныло ожесточенное лицо матери, сидевшей на полу на корточках.

И вдруг выражение страдания прошло по лицу Тины; она вскочила и, не обращая внимания на детей, пронеслась через столовую на открытый балкон. Сплошной поток света, мчавшийся навстречу Тине по сверкающим крышам, ударил ей в лицо. Загущенные волосы ее цвета льна и меда вспыхнули и расплавились, — она остановилась, ослепленная.

Новый четырехэтажный дом, в котором они жили, угловой в квартале 16 В, восточной своей стороной выходил на улицу Короленко, а южной — на широкий пустырь, где должен был пройти проспект Металлургов. С балкона открывалась сквозная — от ворот с улицы Короленко до ворот на улицу Чехова — анфилада дворов противоположного квартала, с зелеными скверами и детскими площадками, с кучами желтого песка. И сквозь эту анфиладу дворов можно было видеть вдалеке, на той стороне улицы Чехова, в четвертом этаже углового дома, точно такую же квартиру с балконом, как и та, в которой жили Тина с Павлушей, — в ней жил председатель Большегорского исполкома Воронин. На углу того дома возвышалась такая же, как и на их доме, прямоугольная башенка с круглой беседкой, но из-за крыш зданий отсюда видна была только верхняя половина беседки с ослепительно белым куполом, — казалось, в небесной голубизне кто-то опускается среди зданий на парашюте.

Но Тина ничего этого не видела. Ей нужно было успеть увидеть его, увидеть хотя бы со спины, чтобы его еще можно было окликнуть. Быстрым взглядом она окинула уходившую полого вверх просторную асфальтированную улицу, обсаженную молодыми карагачами.

Обычно часов с восьми утра и до позднего вечера улица Короленко и все улицы этого нового города на Заречной стороне были усыпаны ребятами всех возрастов: им больше нравились эти просторные асфальтированные улицы, чем разбитые на скверики и площадки квартальные дворы, где ползали по песку меж клумб с цветами совершеннейшие крошки под наблюдением старших сестренок или бабушек, еще державших на руках спеленутого грудного или возивших его, спящего с соской во рту, в коляске взад и вперед по песчаной дорожке.

Но сейчас было еще рано для уличных игр детей, сейчас вверх по улице Короленко — больше по середине, чем по боковым пешеходным дорогам за карагачами, — шли на работу взрослые мужчины и женщины, шли в этой ближней части улицы по одному, по двое, по трое, а дальше уже цепочками, группами, а ближе к площади имени Ленинского комсомола, где была остановка трамвая, — сливающимися потоками.

Муж еще не вышел из ворот под домом; Тина перегнулась через перила и стала ждать. Но еще раньше, чем она его увидела, она услышала его сильный грубовато-веселый голос и смеющиеся голоса женщин. Один из женских голосов она не только узнала, — было удивительно и больно, что именно его она услышала сейчас. И в самом деле, первой из ворот вышла ее бывшая подруга по ремесленному училищу Васса Иванова. Полуобернув голову в сдвинутом немного на затылок темномалиновом платке, Васса — по уже сложившейся привычке обращения с молодыми мужчинами — смелым, резковатым и все-таки немножко заигрывающим голосом насмешливо выговаривала что-то Павлуше и, надо полагать, попала в самую точку: Павлуша, подняв к плечам согнутые руки, отмахивался одними ладонями, как ластами, крутил головой и все повторял:

— Не говори, не говори, не говори!..

Другую вышедшую из ворот женщину, Соню Новикову, Тина тоже знала. По окончании ремесленного училища Тина и Васса зачислены были в вальце-токарную группу при цехе, объединявшем три прокатных стана — мелкосортный, штрипсовый и проволочный, — и приданы были к проволочному стану. У токарей не было там даже отдельного помещения, они работали сбоку, в пролете, где расположен был этот необыкновенно изящный автоматический стан-красавец, и работа девушек по обработке валков неотрывна была от всей работы прокатчиков.

Соня Новикова, старший оператор этого стана, теперь уже тридцатилетняя вдова, не шла, а плыла на полкорпуса впереди Павлуши и смеялась, закинув голову и косясь не на смешные движения Павлуши, а чтобы перехватить его взгляд. Тонкий, как из молочного крема, шерстяной платок-паутинка был вольно повязан, точно небрежно накинут на ее светлые волосы, — ох, Тина могла бы рассказать, сколько секунд отнимает у Сони эта небрежность перед зеркалом!

Удивительно было не то, что Павлуша и обе женщины, идя на работу, сошлись во дворе: Васса и Соня жили в этом же квартале 16 В. И не только то было больно Тине, что Павлуша мог смеяться с чужими женщинами после всего, что произошло между ним и Тиной. Удивительно и больно было, что Павлуша столкнулся во дворе с когда-то самой любимой подругой Тины в такой момент, когда воспоминания, связанные с их девичьей дружбой, и послужили главным толчком к сегодняшней ссоре.

Летом 1946 года, после того, как Тина и Павлуша зарегистрировались в загсе Кировского района и свадьба была уже отпразднована, Тина должна была перейти в комнатку к Павлуше, а Коля Красовский, по добровольному его согласию, — в общую, на двенадцать человек, комнату общежития все в том же «Шестом западном».

Васса помогала Тине уложить платья, белье, все ее «доброе», как называли это на родине Тины, и обе они, боясь, чтобы не прорвалось слезами все, что томило их души, не глядя друг на друга, деловито сновали по комнатке, а их аккуратные руки действовали с такой необыкновенной споростью, какая в подобные переломные минуты жизни возможна только у женщин.

Тина все еще находилась в том возбужденно-счастливом состоянии, которое сопровождало ее все эти дни. Но странно ей было, что она в последний раз ходит по этой комнатке, как одна из ее хозяек, а завтра уже будет приходить сюда, как гостья. Тина смутно чувствовала, что они не просто укладывают ее вещи, белье, а что и она и любимая подруга, с которой они прожили душа в душу четыре года, выделяют из того, что казалось общим, ее — Тины — более счастливую долю. Впервые так наглядно Тина сознавала значительность перемены, совершавшейся в ее жизни, и испытывала волнение, похожее на страх. Ей было жаль этой жизни, которую они так деловито, безмолвно разрушали сейчас своими руками, жаль было и себя и Вассу и невозможно было избавиться от мучительного чувства какой-то своей вины перед подругой.

Чем ближе подходила минута прощания — а Тина знала, что хотя им предстоит еще вместе работать и жить под той же родной крышей «Шестого западного», они все-таки должны будут как-то проститься, — тем больше Тина страшилась этой минуты. И никогда не могла она потом простить себе, как, не выдержав душевной муки, она, Тина, вдруг заговорила в том же тоне неестественной деловитости, в каком они говорили об укладываемом белье, платьях:

— Васса, а подумала ли ты, кого взять в комнату вместо меня? А то вселят такую, знаешь, что и не рада будешь; найдутся любительницы, наверно, уже в очереди стоят!

Васса выпрямилась всем корпусом и повернула на Тину свое немного асимметричное, броско красивое лицо, затемнившееся несвойственным ему мрачным выражением. Но Тина не замечала этого выражения и продолжала все тем же деловитым голосом:

— Сейчас, знаешь, какая нужда в жилье, никто с тобой не посчитается! А ты пойди к Бессонову — к нашему-то не ходи, он все равно не поможет, а пойди к Бессонову, он нас знает, попроси, чтобы переселили к тебе нашу подсменщицу, — она, знаешь, намекала. А хочешь, я скажу Павлуше, он к Сомову пойдет, — Сомов, знаешь, как Павлушу ценит!..

Было даже удивительно, как Тина, такая скромная, уверенно называла эти большие фамилии — главного инженера, в прошлом начальника их цеха, даже фамилию самого директора комбината, а теперешнего начальника

Copyrighted material

цеха называла просто «нашим». Это говорила уж не она, это Павлуша говорил ее устами.

Если бы Васса услышала только это, она сразу подметила бы в этом смешное, и не уйти бы подружке от ее острого языка. Но Васса расслышала в словах Тины то самое, что они и означали: что ее, Вассу, покидают и жалеют. И с прозорливостью любящей и брошенной женщины Васса вдруг сказала:

— Разве ты уйдешь с работы?

Тина смутилась. Она никогда не краснела, если смущалась, — смутились ее чистые синие глаза, она даже не нашлась, что ответить.

Все эти дни, пока крутилась свадебная карусель, как-то само собой подразумевалось между подругами, что работа их будет идти попрежнему. И как же могло быть иначе: они настолько связаны были в работе, что уход одной из них неизбежно подводил другую.

Большинство подруг, окончивших, как и они, четвертое ремесленное по токарной группе, работало на малых станках обычного типа, так называемых «дипах» — «ДИП-200», «ДИП-300». Из молодежи, работающей и ныне на этих станках, мало кто задумывается над тем, что означает это «дип», звучащее, как название иностранной фирмы. Означает же оно «догнать и перегнать».

Тина, и Васса, и их третья сменщица-подружка, единственные среди женщин-токарей на заводе, освоили станок по обработке валков прокатных станов и в соревновании вышли на первое место среди токарей, хотя вальцетокарные станки до сих пор считаются физически непосильными для женщин.

Но как ни велико было удовлетворение, получаемое Тиной от соревнования, оно не могло принести ей, девятнадцатилетней девушке, такого счастья, как выпавшее ей счастье любить и быть любимой. Вся ее жизнь теперь была отдана Павлуше. И так сладка была Тине ее зависимость от счастья жизни с Павлушей, что ей казалось совсем неважным и ненужным думать о том, как сложится ее трудовая жизнь. Но она понимала, что этим невозможно поделиться ни с кем из людей, а сказать так Вассе, которая еще не испытала этого счастья, хотя была на год старше, было бы просто бесчеловечно. Вот почему Тина смутилась и не нашлась, что ответить.

И большая душа Вассы, скрытая от людей под ее, Вассы, резковатой, насмешливой манерой, вдруг прорвалась слезами. Все четыре года, что они дружили, Тина не видела ее плачущей, — впервые Васса заплакала при большом стечении народа, когда справляли свадьбу у родителей Тины, а теперь это опять приключилось, — слезы так и брызнули из ее черных глаз.

— Лучше бы уж ты молчала! — говорила она со страстью. — Думаешь, я не знаю, на что повернулись твои мысли? Говоришь, будто оправдываешься! Ты думаешь, я тебя осуждаю? Молчи, потому что я тебя не осуждаю! Я не раз думала — думала уже давно: а как же мы будем жить, если кто из нас выйдет замуж? Я думала: а вдруг это случится со мной первой? Я сама себе никогда не могла ответить, как же я буду жить замужем. И я тебя не осуждаю... Что ж, тебе выпал первый черед, — сказала она, с видимым усилием преодолевая в себе чувство, которого не хотела бы показать Тине, и губы ее самолюбиво задрожали. — Теперь ты будешь при муже — и пойдут наши пути в разные концы, такие разные, что ни повидать, ни голоса услыхать! Так не сватай же мне, чего самой не нужно! Пусть вселяют ко мне, кого хотят... По крайности я буду знать, что осталась сама по себе... если уж тебя нет и никогда не будет... — добавила Васса, и слезы опять залили ее смуглое лицо.

Если бы Тина в эти дни не была так полна собой, она догадалась бы, что не о ней одной плакала Васса, что не только к ней, Тине, относились слова «осталась сама по себе», «тебя нет и никогда не будет». Но Тина все это отнесла только к себе: она бросилась к Вассе, обняла ее и говорила о том, что никогда не оставит любимой подруги, что все, все у них пойдет попрежнему.

Но они обе не знали, как это все будет на самом деле.

Тина ушла с работы через три месяца после этого разговора, в начале первой беременности. Она трудно переносила и первую и вторую беременность, но первая была для нее особенно тяжелой. По нескольку раз на день она бросала на соседа станок в ходу и бежала через подъездные пути в уборную, где, содрогаясь от рвотных спазм, обливаясь потом и слезами и еще бо́льшие испытывая муки стыда перед случайными женщинами, поддерживавшими ее под руки, выстаивала над осыпанным известкой глазком, боясь, что только отойдет от него, как все начнется сначала.

И она первая сказала мужу, что не в силах переносить это на глазах у людей.

— Конечно, зачем тебе мучиться, будто мы не обойдемся без твоих синеньких! — сказал Павлуша, очень ее жалевший. Он сказал «синеньких» — это было еще до денежной реформы.

И он, переговорив, где нужно, устроил так, что ее отчислили с работы.

А Васса осталась в той же вальце-токарной группе при цехе, где катались проволока, штрипсы и мелкосортный металл. Васса все не выходила замуж, и это было даже удивительно: она всегда вращалась среди ребят. А потом она подружилась с Соней Новиковой, и та незаметно вошла в жизнь Вассы так глубоко и полно, что вытеснила даже память о Тине.

Раньше Соня с маленьким сыном жила в скученном бараке в Никитьевском поселке, — муж ее, лейтенант саперных войск, погиб в Курской битве. А потом подруги получили вместе двухкомнатную квартиру — тогда же, когда Павлуша с Тиной получили свою трехкомнатную. Это было памятное событие на Заречной стороне: квартал 16 В первый строился не отдельными зданиями, а как цельный комплекс, и, едва его покинули маляры, все жильцы, несколько сот семейств с сонмом детей, въехали в свои квартиры почти в один день.

Павлуша и обе женщины, весело его атаковавшие, прошли под балконом. Павлуша шел своей развалистой, но легкой походкой, мягко загребая руками и оборачивая смеющееся лицо то к одной, то к другой женщине. Невозможно было окликнуть мужа, не унижая себя; Тина только смотрела ему вслед. Они нагнали вышедшего из ворот немного пораньше машиниста портального крана углеподготовки Александра Гамалея, и Соня Новикова сразу переключилась на пожилого Гамалея, более подходящего ей по возрасту. Дальше по улице к ним присоединились еще несколько мужчин, которых Тина тоже знала, — самый молодой из них, выбежавший из калитки в ограде вдогонку за товарищами, сзади закрыл Павлуше глаза и повис у него на плечах. Они весело здоровались между собой за руки, обменивались шутками, которые обратились на двух незамужних женщин, как только мужчины почувствовали свой перевес. Но ни Васса, ни Соня не только не смущались, а становились все свободней и оборотистей в окружении мужчин, — даже отсюда можно было догадаться, что они не дают спуска.

И долго еще, когда людской поток поглотил их, видела Тина круглый, мальчишеский затылок своего мужа. У нее все время подкатывало к горлу, но это были не слезы. Она давно уже не плакала: она пережила девичьи слезы и еще не обрела слез женщины. Но ей очень хотелось, чтобы Павлуша оглянулся.

Метрах в двухстах наверху, в глубине площади имени Ленинского комсомола, выступала верхняя половина фасада нового кинотеатра — очень легкого, воздушного здания, обнесенного белыми колоннами наподобие афинского Акрополя. И утреннее солнце, игравшее в капителях колонн, и отдаленная, но такая звонкая трель трамвая, вдруг прочертившего дугой по проводу поперек площади, и сильная, молодая фигура мужа, идущая навстречу этим веселым звонкам, и внезапный жалобный крик Алешки, донесшийся из столовой, — все это слилось у Тины в одно пронзительное, нежное, отчаянное, безнадежное чувство.

(Продолжение следует.)

Copyrighted material

Образцы старинного хрусталя.

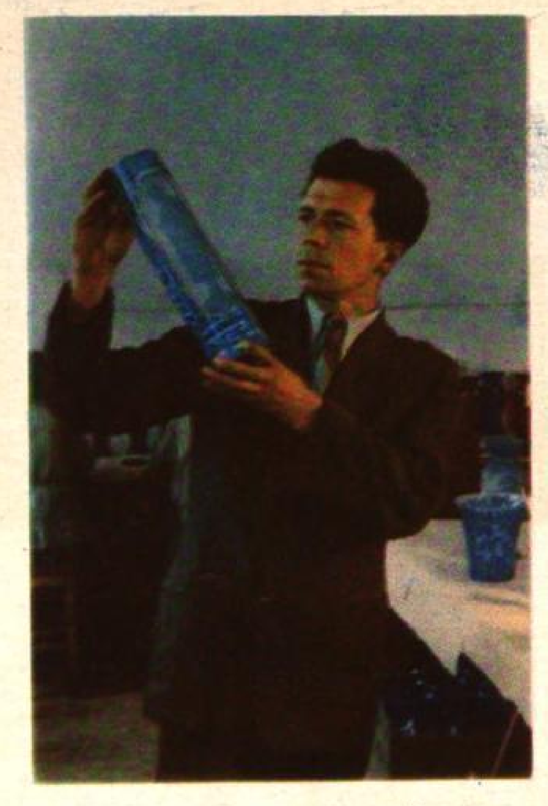
Музей Хрустального завода.

Образцы советского хрусталя.

В музее Хрустального завода собрано более шести тысяч вещей. Здесь представлены редчайшие образцы старинного хрусталя, который собирали почти двести лет. Среди современных изделий находятся уникальные вазы, призовые спортивные кубки. Хрусталь всех цветов и оттенков со вкусом, богато украшенный алмазными гранями, сверкает на солнце. Все здесь необычайно ярко и празднично.

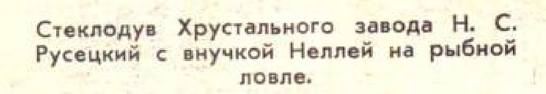
«Огонек». 1954.

Copyrighted material



На Хрустальном заводе. Художник Е. И. Рогов осматривает готовые вазы для цветов.

Конвейер в цехе шлифовки стекла.



Стеклодув Хрустального завода Н. С. Русецкий с внучкой Неллей на рыбной ловле.

Семья мастера Ф. И. Киселева в выходной день на прогулке в пригородной роще. На Хрустальном заводе работают и его сыновья Геннадий и Анатолий, жена Анатолия Зинаида и дочь Людмила. На снимке (слева направо): Зинаида, Анатолий, жена Киселева Татьяна Георгиевна, Федор Иванович; сзади: Людмила и Геннадий.

Copyrighted material

Гусь-Хрустальный

В. ПОЛТОРАЦКИЙ

Рисунки В. Высоцкого.
Фото С. Раскина.

Клуб стекольного завода.

IV

А. М. Горький в письме к колхозникам села Губцево вспоминает о том, как самоотверженно трудились рабочие Гусь-Хрустального в первые годы после Великой Октябрьской революции.

Мне очень памятно это время. Тысячи молодых рабочих ушли тогда с отрядами Красной Гвардии на фронты гражданской войны. В поселке остались старики, женщины, дети. Свирепствовал голод. Вспыхнула эпидемия тифа.

На заводе не хватало сырья. Не было топлива. Люди получали крошечный паек: четверть фунта ржаного, пополам с овсянкой, колючего хлеба.

Помню, как, собрав кое-какие вещички из домашнего обихода, женщины ездили менять этот скарб на картошку и рожь в хлеборechных губерниях. Многие погибали в пути.

Голодные, худо одетые и худо обутые, в осеннюю слякоть и в зимние холода люди отправлялись заготавливать топливо для завода и сами же вывозили дрова, впрягаясь в тележки и сани.

Среди мастеров бродили тревожные слухи: **кому, дескать, нужна теперь наша работа?**

В те годы, действительно, стеклянный пузырь для керосиновой лампы или простой дешевый стакан были куда нужнее хрустальных ваз и бокалов.

Завод переключился на выпуск самых необходимых вещей, но продолжал работать.

Какая же сила поднимала, вела и поддерживала рабочих Гусь-Хрустального в то трудное время?

Этой силой были большевики.

Несмотря на то, что хозяева завода издавна насаждали в Гусе крепостнические порядки, несмотря на шлагбаумы, отгораживавшие поселок от всей России, Гусь-Хрустальный известен в истории революционного движения как одно из старейших гнезд большевистской организации.

Первые подпольные кружки рабочих революционеров появились здесь еще в конце девятнадцатого столетия. Нелегальными путями проникали в Гусь революционные листовки, книги Маркса и Ленина.

Среди гусевских партийцев не было ни выдающихся теоретиков, ни пламенных ораторов. Слесари, стеклодувы, алмазчики — простые рабочие составляли здесь ядро большевистской группы. После Октябрьской революции на плечи этих людей легли все заботы, связанные с трудом и жизнью заводского поселка.

Теперь, уже много лет спустя, когда перелистываешь пожелтевшие от времени протоколы первых заседаний заводского Совета и местной большевистской организации, особенно ясно видишь, как трудны и многообразны были эти заботы устроителей новой жизни.

В одном из протоколов Совета я обнаружил следующие решения: «1) Послать отряд партийцев и молодых сознательных рабочих на подавление кулацкого контрреволюционного восстания в Алексеевской волости; 2) Установить рабочий контроль в пекарне; 3) Провести неделю по заготовке и вывозке дров; 4) Объявить беспощадную войну спекуляции, вплоть до расстрела; 5) Взять на общественное обеспечение Степана Черкасова и учить на казенный счет»...

Степан Черкасов, более известный в то время под именем Степки, был сиротой-беспризорником и ютился в общей кухне одной из заводских казарм. Вечно босой, оборванный, грязный, кормился он тем, что удавалось стащить или выпросить у сердобольной хозяйки. Но у этого мальчика была страсть к рисованию. Удавалось достать бумагу — он рисовал на бумаге, а не было ее — покрывал своими рисунками стены казарменной кухни.

Степку ожидало вечное нищенство или в лучшем случае беспросветная маята на тяжелой, черной работе.

Но Россия начинала жить по-новому. Среди множества важных забот — о топливе, о борьбе с восставшими кулаками, о хлебе — гусевские коммунисты не забыли и о беспризорном мальчишке.

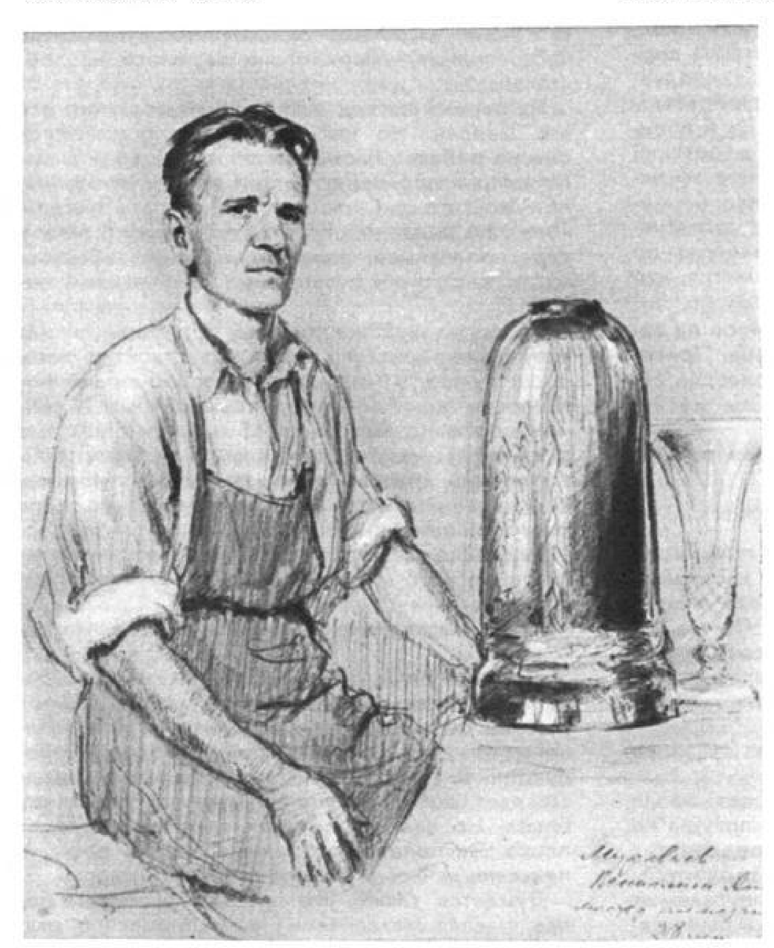
— Взять в приют и учить. Может, из него художник получится!

Так начинала распоряжаться новая, Советская власть, суровая, строгая — «вплоть до расстрела» — и глубоко человечная, своя, рабочая власть!..

Множество перемен произошло в Гусь-Хрустальном за советские годы. Заводской поселок стал городом. Население его увеличилось примерно в пять раз.

В 1929 году здесь был построен крупнейший в Советском Союзе механизированный завод по выработке оконного стекла.

В прежнее время листовое оконное стекло производилось варварским, ручным способом. Мастер набирал на трубку пуда полтора стеклянной расплавленной массы и, напрягаясь до крайности, выдувал большой продолговатый пузырь, который назывался «холявой».



Вениамин Александрович Муравьев — мастер-алмазчик.

См. «Огонек» № 41.

Copyrighted material

У «холявы» отрезали дно и колпак, а полученный цилиндр разрезали по вертикали, и пока стекло не успело остыть, его развертывали и разглаживали на столе. Таким образом получался стеклянный лист.

Работали стеклодувы на высоком помосте, окружавшем печи, в которых варилось стекло. Эти печи имели окна, через которые жидкое стекло набиралось на кончики трубок. Самый же процесс выдувания совершался на краю помоста, над своеобразным «колодцем». Я знаю немало случаев, когда выдувальщик, не выдержав тяжести огромной стеклянной «капли», падал с помоста прямо на пылающее стекло.

Так прежде делалось оконное стекло на Курловском и Великодворском заводах, расположенных недалеко от Гуся.

На новом, механизированном стеклозаводе имени Ф. Э. Дзержинского стекло варится в больших ванных печах, оборудованных точными контрольными приборами. В расплавленную стеклянную массу опускается специальное приспособление из огнеупорного материала с узкой продольной щелью. Это приспособление называется «лодочкой». Вязкая масса расплавленного стекла через щель «лодочки» поднимается вверх и при помощи вальцов вытягивается в широкую ленту.

Здесь рабочий только управляет механизмами.

Подсчитано, что за первые двадцать лет своего существования завод имени Ф. Э. Дзержинского дал около 80 миллионов квадратных метров оконного и технического стекла. Прежние заводы и за сто лет не могли выдать такого количества.

Впрочем, сейчас и эта техника считается уже устаревшей. Советские инженеры открыли новый, безлодочный способ получения листового стекла.

В годы Великой Отечественной войны в Гусе начал работать еще один новый завод. В его цехах делают стеклянные ткани.

Из расплавленного стекла вытягиваются тончайшие волокна. Они настолько тонки, что почти не видимы простым глазом. Из полкилограмма стекла вытягивается ниточка длиною в 40 тысяч километров! Сто таких ниточек скручиваются в одну серебристую шелковинку. Из пряжи делают полотно, по внешнему виду напоминающее вискозную ткань.

Заново перестроен и старый хрустальный завод. Он выпускает теперь разной посуды во много раз больше, чем прежде.

Гусевский завод, конечно, не единственный в своем роде. Хорошие хрустальные изделия выпускает завод «Красный гигант», расположенный в Пензенской области, Дятьковский — в Брянской и другие предприятия. И все же значительная часть работы по увеличению выпуска хрусталя выпадает на долю моих гусевских земляков.

Однако тут есть одно «но»...

Мария Садовникова — ученица мастера-алмазчика В. А. Муравьева

В музыкальной школе. Подготовка к концерту.

V

Недавно я навестил алмазчика Зубанова. Старик совершенно расстроился.

— Наше время прошло, — с горечью сказал он.— Бывало, в шлифовне, кроме нас, Зубановых, Куприяновы, Лебедевы, Калмыковы работали. Что ни мастер, то и художник. Теперь уже нету таких. Вымирает искусство!

О том, что искусство алмазчиков в Гусе якобы вымирает, мне приходилось слышать и от других. Но это неверно.

Умерло «петушиное слово» заводских колдунов. Составление шихты и варка стекла проводятся на строго научной основе. Стеклодувную трубку заменяет машина. Изобретены аппараты для механической шлифовки и полировки стекла. Отмирает кустарный, дедовский способ. Людям же, связавшим всю свою жизнь с тяжелой ручной работой, постигавшим мастерство стекловаров, стеклодувов, шлифовщиков как великую тайну, передаваемую по наследству, от дедов и прадедов, кажется, что это вымирает искусство.

Конечно, старых знаменитых мастеров на заводе становится все меньше и меньше. Приходит старость, и тут ничего не поделаешь. Но ведь на смену им идет молодежь. Сам же Зубанов рассказывает:

— У Николая Чихачева настоящая хватка. Что хочешь сработает.

— Художник?

— Гусевского закала.

Николаю Чихачеву сорок восемь лет. Вещи, сделанные им, можно встретить в столичных музеях. Например, хрустальная ваза в память 800-летия Москвы отшлифована им. Он же отделывал вазу к 300-летию воссоединения Украины с Россией. Словом, это первостатейный мастер. Есть в Гусе и еще более молодые талантливые алмазчики...

Но кое в чем сетования старика Зубанова все-таки справедливы.

Получилось так, что несколько лет назад внимание к выпуску высокосортной посуды на заводе ослабло. Руководители предприятия были озабочены главным образом тем, чтобы выполнять планы по количеству выпускаемых изделий. Основным видом продукции был граненый чайный стакан, вырабатываемый способом автоматической прессовки.

Увлечение выпуском этих изделий вело и к тому, что мастера-алмазчики тоже, что называется, гнали один какой-нибудь простенький стандартный рисунок, и только на долю таких художников, как Николай Чихачев, изредка выпадала возможность создавать действительно чудесные, уникальные вещи.

Теперь хрустальщикам приходится серьезно думать и о разработке новых образцов и о механизации трудоемких процессов шлифовки.

Само собой разумеется, что новые научные способы производства требуют новой, более высокой культуры труда. Но как раз этого и не хватает на Гусевском хрустальном заводе.

В «образцовой» алмазного цеха, то есть в специальной комнате, где собраны современные изделия из хрусталя, многие вещи просто поражают своим изяществом. Уникальные вазы, призовые спортивные кубки, хрусталь всех цветов и оттенков, со вкусом, богато украшенный алмазными гранями, сверкает на солнце. Все здесь необыкновенно ярко и празднично.

Но в цехе, где делаются эти чудесные вещи, обстановка совсем иная: тусклые, серые стены, шишковатый бетонный пол, битое стекло хрустит под ногами...

Старший мастер, пожав плечами, скажет:

— Такое уж производство. Возьмите любой стекольный завод.

Это неправда. Ведь в том же Гусь-Хрустальном, на заводе имени Ф. Э. Дзержинского, где делают, кажется, более грубые вещи — оконное и техническое стекло, — в цехах гораздо чище, и люди чувствуют себя как-то свободнее, а значит, и работать там веселее.

Когда я был на хрустальном заводе, кто-то из алмазчиков подсказал мне:

— Обрати внимание на верстаки.

— А что?

— Да как поставлены-то!

И я догадался, в чем дело. В старой шлифовне верстаки алмазчиков были расположены так, что почти каждый мастер сидел у окна. Перед ним были солнце, небо, радуга после дождя, светлый иней зимою.

При перестройке завода какой-то «умник» придумал повернуть верстаки от окошек. Теперь перед мастером серая стена цеха.

— Это ничего. Мы им лампочку к каждому колесу провели, — похвастался заведующий шлифовней.

— Чудак человек! — говорят рабочие. — Да разве художник сменяет солнце на лампочку?

Это ему, заведующему, можно и при лампочке составлять свои ведомости и отчеты, а мастеров было бы разумнее посадить перед светлыми, широкими окнами, чтобы там было небо, солнце,— бери его и переноси на хрусталь!

На первый взгляд может показаться, что все это мелочи. Но как губительно отражаются они на работе! Тысячи мелких упущений в организации производства привели к тому, например, что себестоимость одного хрустального кувшина на Гусевском заводе стала в два с половиной раза выше, чем себестоимость такого же кувшина на Дятьковском заводе...

Спрос на художественный хрусталь у нас непрерывно растет. И это естественно: жить стало лучше, у миллионов простых людей появилось стремление украсить свой быт. И сейчас особенно важно, чтобы вещи, которые делают гусевские хрустальщики, были действительно красивыми и изящными, чтобы таких изделий было больше и чтобы по цене они были доступны каждому.

Мне вспоминаются слова старого смотрителя заводского музея, обращенные к молодым мастерам:

— Вы наследники большого таланта. Не губите его...

В самом деле, богатейший опыт многих поколений талантливых гусевских хрустальщиков должен быть творчески использован для дальнейшего улучшения качества заводской продукции. В этом смысле музей хрусталя представляет собой великолепную сокровищницу опыта. Но самое помещение музея выглядит плохо. Экспонаты, собранные в нем, расставлены неудачно, экспозиция не продумана...

Думается также, что сейчас необходима более смелая механизация всех процессов хрустального производства, начиная от выдувания и кончая отделкой. Это вовсе не ведет к отми-

Copyrighted material

ранию искусства. Наоборот, колоссально расширяет творческие возможности мастера.

Ведь сейчас при обработке посуды глубокой гранью мастер вынужден снимать толстый слой стекла вручную, при помощи простого алмазного колеса, затрачивая массу силы и времени. А почему бы эту предварительную, почти черновую работу не делать машиной? Тогда у шлифовщика останется только забота об окончательной отделке, о том самом «чуть-чуть», в котором и проявляется талант настоящего мастера. Зато сколько силы и времени будет сэкономлено, сколько новых прекрасных изделий получит народ!

Техника наша к этому уже подготовлена. Советскими инженерами созданы изумительные машины. Нужна инициатива организаторов производства. И кому, как не гусевским хрустальщикам, сказать здесь первое слово...

VI

Я люблю этот город — родину русского хрусталя. Хорошо приезжать сюда летним солнечным утром. Распахнется перед поездом сосновый бархат мещерских лесов — и чистым, шлифованным хрусталем блеснет широкое озеро, образовавшееся в давние времена от того, что прадеды наши запрудили здесь лесную мелководную речку.

На берегу озера и раскинулся город.

Это уже не прежний поселочек гутарей и шлифовщиков. Ныне Гусь-Хрустальный — центр большого промышленного района.

— Стеклоград! — с гордостью говорят о нем местные жители.

В сосновой роще за станцией видны бетонные корпуса стеклозавода имени Ф. Э. Дзержинского. Почти у самого озера стоит хрустальный завод. Поодаль от него раскинулись приземистые корпуса завода стеклянных тканей...

Улицы города обсажены тополями и ветлами. Узнаешь и не узнаешь эти улицы. Сколько тут нового!

На пути от вокзала к центру, на углу бывшей Степановской улицы, встретится маленький домик старой заводской школы. Прежде это была единственная школа на весь поселок. Теперь же в Гусь-Хрустальном имеются восемь школ, два ремесленных училища и даже техникум, готовящий специалистов стекольного дела.

Новые дома, целые улицы, построенные совсем недавно, шагнули далеко за шлагбаумы. Теперь даже след шлагбаумов потерялся.

Конечно, многое в Гусь-Хрустальном еще не удовлетворяет самих жителей. Еще грязноваты улицы, не хватает пассажирского транспорта. Но это бросается в глаза потому, что сами мы стали требовательнее, год от года хотим жить лучше, удобнее.

В старом мальцевском магазине за одним прилавком отпускались постное масло и керосин, хлеб и мыло. И с этим приходилось мириться. Теперь же то обстоятельство, что керосиновая лавка помещается рядом с продуктовой, воспринимается уже как недопустимое безобразие...

Если говорить о переменах в Гусе, то, может быть, ярче всего проявляются они в судьбах самих людей.

Мне вспоминается летний вечер, пыльная улица, «Питерская» казарма... На бревнышке у колодца устало сумерничают отец, чахоточный алмазчик Андрей Муравьев и наш сосед рыжебородый грузчик Павел Буслаев. Золотисто вспыхивают огоньки махорочных самокруток. Над косматыми ветлами шевелится багровое зарево гуты.

Я и мой ровесник, закадычный приятель Васька, сын дяди Павла, торчим возле взрослых. Нам по двенадцати лет...

Бросив окурок и по привычке старательно замяв его пяткой босой ноги, дядя Павел говорит отцу:

— Ваську в работу определять думаю, а он, сукин кот, плачет: «Учиться хочу!»...

— Может, в гимназию? — иронически спрашивает алмазчик.— Так ты его в гимназию определи...

— Хоть бы простую-то школу дал окончить! — замечает отец.

— Вот и учитель советует: дай, дескать, хоть школу окончить, способности у парнишки завидные.

— Сейчас, Павел, не о способностях, а о хлебе надобно думать! — строго говорит Муравьев.

— Из-за хлеба-то и приходится парнишку с учения срывать,— подтвердил дядя Павел.

Давно это было...

И вот сидим мы с Василием Павловичем Буслаевым в палисаднике возле дома в Лермонтовском поселке. Сидим и курим. Тут же бегает двенадцатилетний Володька Буслаев.

— Смотри, как время идет, — говорит Василий. — Володька мой уже в пятый класс перешел. Еще лет пять — и в университет провожать придется.

— Учить думаешь?

— А как же иначе?..

Известные гусевские алмазчики Зубановы, Калмыковы, Куприяновы, Тимофеевы были людьми либо вовсе неграмотными, либо с грехом пополам умели разбирать по печатному. А станешь нынче расспрашивать о том, как живут эти семьи, в ответ услышишь:

— У Василия Егоровича Калмыкова четверо сыновей инженерами стали. А Тимофеевы по науке пошли. Владимир даже Сталинскую премию за научное открытие получил.

И чем дальше, тем шире круг: этот, глядишь, стал врачом, тот дослужился до генеральского звания.

Но не меньший почет и слава тому, кто выбрал путь заводского рабочего.

Вот Сысоев стал «круглым мастером», Чихачев — художником хрусталя, Янтарев — первым новатором на механизированном стекольном заводе, начальником смены работает Миша Царьков.

В душе моих земляков неистребимо живет чувство профессиональной гордости мастеров хрусталя.

Как-то в воскресный день заглянул я к алмазчику Николаю Федоровичу Чихачеву. У него были гости. Свои, заводские товарищи. По этому случаю, как уж заведено у гусевских, на стол была выдана «фамильная» сервировка. Тут стояли какие-то граненые стопки и стаканы «погарчики» в форме кубышек, и отделанные алмазным рисунком фужеры, и графины с красными стеклянными петухами, неизвестно как посаженными туда. Вся эта посуда — каждая вещица — была сделана руками кого-нибудь из Чихачевых: дедом, отцом, дядей, самим хозяином...

Вот тут и начался разговор об искусстве алмазчиков.

— При Мальцеве, видишь, каких петухов сажали! — заметил кто-то.

— Подумаешь, петухов! — усмехнулся «круглый мастер» Сысоев. — Я этих петухов, если хочешь, тысячи насажаю. Ерундовое дело!

— Сможешь?

— Смогу. Но теперь надо лучше делать. Мы для трудовых людей хрусталь выпускаем.

— Верно, — отозвался хозяин и, обращаясь к «круглому мастеру», сказал: — Помнишь, Виктор, мы с тобой в министерство ездили на заседание коллегии? Там прямо сказали: «Вы, товарищи, работаете на весь советский народ».

— Что и говорить, заказчик у нас серьезный.

— Я мечтаю, — продолжал хозяин, — мечтаю о том, чтобы вырабатывать для этого заказчика самые прекрасные вещи, чтобы взглянул человек на мое изделие, порадовался и подумал: «Ну и мастера же в Гусь-Хрустальном живут!..»

— Ты мысли мои подслушал! — сказал Сысоев.

Гости долго еще говорили о том, чего не хватает на заводе для этого и что и как надо сделать. В этих разговорах была настоящая любовь к своей профессии и сознание большой ответственности перед очень важным заказчиком.

Мы просидели до позднего вечера.

Возвращаясь от Чихачева, я шел по берегу озера. С лодок слышались песни и девичий смех. В городском саду духовой оркестр играл вальс «Над волнами». Зажигались первые звезды. Пахло молодым тополем...

Эти строчки я пишу уже в Москве. На столе лежит письмо от алмазчика Чихачева. Он пишет: «Сообщаю, что мы получили новый большой заказ на хрусталь. Хочется, чтобы слава наших мастеров не померкла. Думаю, сделаем...»

ПОДВИГ ВРАЧА

Врач Ф. И. Веретенов осматривает раненого.

Наша изыскательская партия в Бурят-Монголии шла по берегу горной реки. Переход был трудный. Караван растянулся, лошади часто падали. Геодезист В. В. Брунов решил осмотреть местность. Спустя некоторое время с той стороны, куда ушел Брунов, мы услышали ружейный выстрел. Затем раздался крик, зовущий на помощь. Брунова нашли на берегу ручья всего в крови. Быстро развьючили одну из лошадей и, уложив раненого поперек седла, привезли в лагерь.

Оказалось, что, пробираясь звериной тропой, Брунов не заметил настороженного кем-то охотничьего ружья, задел волосяную нить, идущую к спусковому крючку, и раздался выстрел. Заряд попал в Брунова.

Наш радист В. Петрунин раскинул радиостанцию, связался со штабом экспедиции. Нужно было оказать раненому срочную медицинскую помощь на месте. Помощь можно было получить из двух ближайших населенных пунктов, расположенных в горах по разным сторонам перевала. Если идти из одного поселка, пришлось бы 15 раз переходить реку вброд. Но тут, как на беду, ежедневно лил дождь, вода в реке поднялась, лошадей сбивало с ног. Путь мог затянуться на две недели и больше. Дорога из другого поселка пролегала по гольцам — вершинам гор, покрытым беспорядочными нагромождениями камней на высоте 2 000—2 500 метров. Менее чем за 3—4 дня не доберешься, да и то с опасностями. Мы боялись потерять своего товарища и потому попросили прислать врача-парашютиста.

В Улан-Удэ обратились к врачу Федору Ивановичу Веретенову, который находился в отпуску и собирался вылететь на юг. Ему объяснили, что приземляться придется в очень сложных горно-таежных условиях. После недолгого раздумья врач дал согласие.

И вот над нами показался самолет. Прыгать надо было с высоты более тысячи метров, так как окружающие долину горы не позволяли самолету спуститься ниже. Ширина долины в этом месте не превышает 150 метров, а склоны гор покрыты лесом и изобилуют скалистыми обрывами. Первым прыгнул инструктор-парашютист Е. Е. Пономарев. Он опустился на склоне горы и повис на дереве. Веретенов пролетел в нескольких десятках метров от скал и тоже повис на дереве. Когда парашютисты наконец приземлились, мы с облегчением вздохнули: вместо одного пострадавшего у нас на руках могло оказаться три!

Осмотрев больного, Веретенов нашел, что ранение очень серьезное, пуля застряла в позвоночнике и на месте оперировать нельзя. Пока что врач сделал переливание крови и ввел пенициллин. Больного решили вывезти на конных носилках через горы. Хотя тропа здесь труднее, но нет опасности застрять из-за паводков. Сопровождал раненого врач Веретенов.

В первый же день пути убедились, что конные носилки в горах неудобны: по ровному месту лошади шли хорошо, а на склонах и в тайге падали. По совету проводника Усольцева на вьючном седле сделали люльку, уложили в нее Брунова и двинулись быстрее. На гольцах караван застигла непогода, налетел леденящий ветер с дождем и градом, опустились облака, и все вокруг погрузилось в «молоко». Лишь благодаря опытности Усольцева, уверенно шедшего через туман, на четвертые сутки удалось спуститься в долину, а отсюда на автомашине добраться до железной дороги.

Сейчас Брунов находится в больнице Улан-Удэ, куда его доставил Федор Иванович. Жизнь раненого вне опасности. Так благодаря самоотверженности врача Веретенова мы спасли своего товарища.

Инженер-гидролог
О. ХАМАЙДЕ

Copyrighted material

7 октября немецкий народ праздновал пятилетие со дня основания Германской Демократической Республики. Массовый митинг состоялся на площади Маркса—Энгельса в Берлине. На главной трибуне: первый секретарь ЦК СЕПГ заместитель премьер-министра ГДР Вальтер Ульбрихт, президент Германской Демократической Республики Вильгельм Пик, руководитель Правительственной делегации Советского Союза первый заместитель Председателя Совета Министров и министр иностранных дел СССР В. М. Молотов, премьер-министр ГДР Отто Гротеволь.

НАРОДНЫЕ ТОРЖЕСТВА В БЕРЛИНЕ

Copyrighted material

Когда стрелки часов на башне Берлинской ратуши приближались к полуночи, на площади Маркса — Энгельса был зажжен большой фейерверк.

Народное гулянье в парке Кастанненвальдхен. Выступает популярная среди берлинцев капелла Пауля Бойчаха.
↓

До позднего вечера палатки торговых организаций «ХО» и «Консум» бойко продавали фрукты.

Снимки фотокорреспондентов журнала «Берлинер Иллюстрирте» Герхарда Кислинга, Хорста Е. Шульце и Хеннера Ноак.

Copyrighted material

В СЕВАСТОПОЛЕ

Ник. ДРАЧИНСКИЙ
Специальный корреспондент «Огонька»

> «Не может быть, чтобы при мысли, что и вы в Севастополе, не проникло в душу вашу чувство какого-то мужества, гордости, и чтоб кровь не стала быстрее обращаться в ваших жилах...»
>
> Лев Толстой.

Над Сапун-горою разгорается заря, все яснее проступают светлые контуры зданий, гладь залива, громады кораблей. Утреннюю тишину рассек звук горна, и, как звонкое многоголосое эхо, откликнулись горнисты со всех судов. В то мгновение, когда первые лучи брызнули из-за горизонта и разлились в голубой беспредельности моря, на кораблях, точно салютуя солнцу, взлетели флаги и гюйсы. Так начинается новый день Севастополя — города русской славы.

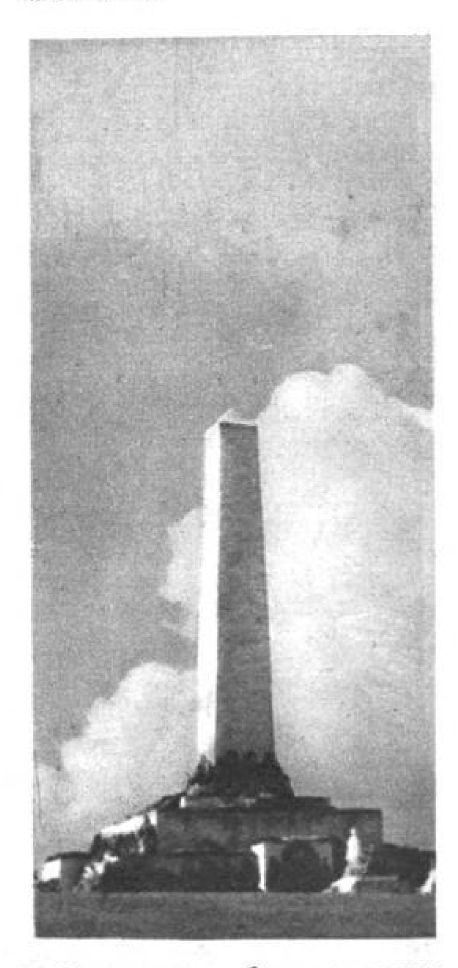
Солдаты Суворова и матросы Ушакова основали его сто семьдесят один год тому назад. Твердыню на Черном море нарекли Севастополем, что по-гречески значит: город славы, знаменитый город. Пророческим оказалось это имя! Севастополь стал символом бесстрашия и геройства, стойкости и мужества. Его дома и улицы, площади и курганы, подобно каменной летописи, повествуют о геройских делах севастопольцев.

Вот знаменитый четвертый бастион. Моряки осматривают старинные пушки, которыми их предки защищали свою землю от врага. Здесь, на этом бастионе, сто лет назад батареей из пяти орудий командовал молодой артиллерийский подпоручик Лев Толстой. Очевидец и участник геройских событий тех лет, он писал: «Надолго оставит в России великие следы эта эпопея Севастополя, которой героем был народ русский...»

Графская пристань — морские ворота города. Здесь 22 ноября 1853 года, после Синопской победы, севастопольцы торжественно встречали адмирала Нахимова. В 1917 году отсюда революционные черноморцы уходили на Дон для борьбы против белогвардейских банд Каледина. На этой пристани встречали черноморскую эскадру, вошедшую в бухту после освобождения города от фашистских захватчиков.

Самые названия улиц воскрешают в памяти имена героев двух севастопольских оборон: проспект Нахимова, улица матроса Кошки, гора матроса Матюшенко, улица Ивана Голубца — первого матроса Черноморского флота, получившего звание Героя Советского Союза.

В эти дни, когда страна отмечает столетие обороны Севастополя в Крымской войне, особенно многолюдно у исторических памятников, которых в городе множество.



С четвертого бастиона видны Сапун-гора и двадцатиметровый обелиск — память о легендарном штурме фашистских укреплений воинами Советской Армии. У подножия обелиска высечены слова:

Copyrighted material

Слава вам, храбрые,
слава, бесстрашные!
Вечную славу поет вам народ.
Доблестно жившие,
смерть сокрушившие,
Память о вас никогда не умрет!

Тут же небольшой военно-исторический музей, рассказывающий о героях этого штурма. Музей построен солдатами и офицерами в первые же дни после освобождения Севастополя.

...Малахов курган, дважды прославленный подвигами его защитников. Отсюда адмиралы Нахимов и Корнилов руководили обороной Севастополя. Здесь стояли насмерть советские моряки, защищая любимый город от немецко-фашистских захватчиков. На том самом месте, где был смертельно ранен адмирал Корнилов, почти девяносто лет спустя отдала жизнь за родную землю комсомолка Фрося Радичкина — отважная девушка в матросском бушлате. Севастопольцы свято чтут славную память героев. Здесь всегда много посетителей. На снимке вы видите севастопольцев на Малаховом кургане, у памятника летчикам, погибшим при освобождении Крыма.

Груду развалин и пепла представлял собой Севастополь после освобождения его от фашистских оккупантов. Сейчас он отстроен заново, стал еще прекраснее и величавее, чем до войны.

Строительство города ведется по генеральному плану. Архитектура новых сооружений отличается обилием балконов, лоджий — красивых и уместных в условиях южного климата. Заканчивается отделка здания матросского клуба. Уже проступают сквозь строительные леса очертания городского театра.

Среди севастопольских строителей можно встретить людей со всех концов страны. Здесь возводится новый институт. Руководит работами прораб Анна Сорокина, приехавшая сюда после окончания техникума в Воронеже. Она была среди тех, кто отстроил в Севастополе десятки больших красивых зданий. Одновременно Сорокина учится на пятом курсе заочного института. Рядом с ней штукатур Владимир Андреевич Одуд, один из лучших строителей города.

— Как в сказке, преобразился наш город! — говорит старая учительница Александра Сергеевна Федоринчик своим бывшим ученицам сестрам Лене и Гале Тузовым. Во время обороны Севастополя от фашистов Александра Сергеевна была организатором женщин в одном из районов города. Тогда же отличились и две пионерки — сестры Тузовы. Лене было десять, а Гале восьмой год, когда их наградили медалями «За оборону Севастополя». Сейчас сестры Тузовы закончили техникум и работают в родном городе. А заслуженная учительница школы РСФСР А. С. Федоринчик переходит на пенсию. За педагогическую деятельность она награждена орденом Ленина, за защиту Родины — орденом Отечественной войны, а за воспитание своих детей — «Медалью материнства».

Из поколения в поколение передаются в Севастополе традиции защитников и строителей черноморской твердыни. Мы встретились с Иваном Алексеевичем Вебуниным. Его дед Матвей Иванович Верховский, матрос флотского экипажа, отличился при обороне Севастополя от англо-французов. Он доживал свой век смотрителем исторических памятников Малахова кургана. У него жил и воспитывался Иван Вебунин. Отца Ивана царское правительство сослало на каторгу за участие в революционном движении, и оттуда он не вернулся. Во время Отечественной войны, когда на Севастополь сыпались вражеские бомбы и снаряды, модельщик Иван Вебунин первым сделал форму для отливки гранат-лимонок. Было это в штольне, глубоко под землей...

Сейчас Ивану Алексеевичу уже семьдесят лет. Он готовится отпраздновать золотую свадьбу с Марией Дмитриевной. Но старый мастер попрежнему продолжает трудиться. Его фотография висит на городской Доске почета на центральной площади. Рядом с ним вы видите его внука Евгения Недоруба. Он курсант военно-морского училища, отличник учебы и секретарь комсомольской организации. Часто дед рассказывает внуку о том, что слышал от своего деда, что ему самому довелось видеть в дни обороны любимого города.

Незыблемой твердыней стоит на Черном море белокаменный красавец, город славы, город-солдат, город-труженик!

Copyrighted material

ХЛЕБ АЛТАЯ

Зеленую улицу хлебным маршрутам! Главный кондуктор Иван Шияи отправляет очередной эшелон с Кулундинского элеватора.

←
На току второй бригады колхоза имени Энгельса, как и во всех колхозах Алтая, выросли золотистые холмы зерна.

Е. КАРПАЧЕВ **Фото Г. САНЬКО.**

Специальные корреспонденты «Огонька»

Днем и ночью движутся по алтайской земле тысячи грузовиков с зерном нового урожая. По стальным путям Южсиба мчатся хлебные эшелоны.

Смотришь на золотистую стерню, по которой уже прошли отряды комбайнов, на горы хлеба, и порой не верится, что лишь полгода назад забивали здесь первые колья на месте будущих совхозов, и озябшие новоселы — москвичи, ленинградцы, уральцы — размещались в палатках и хатах степняков. Кажется, только вчера новосел Алексей Пименов и старожил Иван Жилин провели первую борозду по целине. Как завороженные, смотрели мы тогда на черную полосу, уходившую к зыбкому мареву на горизонте. То была первая борозда!

И вот теперь на Алтае, в краю степей и гор, повсюду видны разительные перемены. Два миллиона гектаров прежде пустовавших земель стали обработанными полями. На огромных массивах сняты такие урожаи, что резко изменился обычный хлебный баланс края и всей Сибири.

Отменная пшеница уродилась на целине. Труженики Алтая вышли на колхозные нивы. На Алтай прибыли со своими комбайнами мастера уборки хлебов с Украины и Кубани, с Дона и Волги.

Александр Дробышев, убрав у себя на Кубани четыреста гектаров хлебов, скосил еще сотни гектаров пшеницы на полях алтайских колхозов.

— Я из Сальских степей,— рассказывает комбайнер Василий Святодух.— Дома убрал триста двадцать пять гектаров, да здесь, на Алтае, в колхозе имени Калинина, триста гектаров, а сейчас еду работать в Волчихинский район.

Славно потрудились на алтайских землях комбайнеры совхоза «Гигант» Александр Медведев, Петр Бондарь, Павел Дьяков. Дружеская взаимопомощь советских людей вновь проявилась на целине во всей своей чудесной силе. Приехавшие из Москвы водители грузовых машин супруги Дроновы — Александр Михайлович и Вера Егоровна, — соревнуясь друг с другом, перевозили рекордное количество зерна. Закончив работу в одном районе, они переезжали в соседний. Когда в автомобильной колонне ленинградцев заболели несколько шоферов, остальные заменяли их по очереди.

На Алтай с Украины и Кубани приехали весовщики, лаборанты по проверке качества зерна, хлебные инспекторы, механики по элеваторному оборудованию. Они привезли с собой зерносушильные агрегаты, походные электрические станции, транспортеры, автоматические весы. Слесари и плотники, прибывшие с Урала и из Кузбасса, подготовили к приему зерна тысячи большегрузных вагонов.

Первым в Алтайском крае закончил уборку Кулундинский район. Он дал государству хлеба на 2 579 000 пудов больше, чем в наиболее урожайном 1949 году. Шестнадцать колхозов Кулундинского района получили за сданное и проданное государству зерно более сорока миллионов рублей. Колхозники получили на трудодень по 7—10 рублей деньгами и по 6—10 килограммов хлеба.

Подсчитав свои возможности, колхозники Кулунды решили дополнительно продать государству еще около миллиона пудов пшеницы.

Передовиками уборки урожая стали также хлеборобы Ключевского, Славгородского, Михайловского районов.

Из центральных районов страны на Алтай навстречу хлебным маршрутам движутся эшелоны с мебелью и мануфактурой, с «победами» и «москвичами», радиоприемниками и холодильниками, с передвижными электростанциями и строительными материалами. А по всей алтайской земле от края до края снова раздается гул тракторов: в степях поднимают новую целину, готовят зябь под урожай будущего года.

Закончив работу в Назаровской МТС, комбайны, прибывшие с Украины и Кубани, отправляются на помощь в соседний Волчихинский район.

День и ночь, круглые сутки, вереницы машин доставляют зерно из колхозов на Михайловский элеватор и его придорожные ссыпные пункты. Отсюда хлеб грузится транспортерами в железнодорожные эшелоны.

Copyrighted material

С. И. Васильковский (1854—1917). РАССВЕТ. Частное собрание. Публикуется впервые.

Певец Украины

К столетию со дня рождения С. И. Васильковского

Сергей Иванович Васильковский (1854—1917) относится к числу выдающихся украинских живописцев конца XIX — начала XX века. Ему принадлежит свыше трех тысяч картин и зарисовок.

Окончив в 1885 году Петербургскую академию художеств, Васильковский получает командировку за границу, где знакомится с картинными галереями Европы, пишет множество этюдов и картин. Возвратившись на родину, Васильковский поселяется в Харькове и сразу же становится в центре художественной жизни.

Живописец-пейзажист, Васильковский был одним из самых проникновенных певцов украинской природы.

Посетители картинной галереи в Харькове, где представлено большинство произведений художника, подолгу любуются полотнами Васильковского — синеющими далями степей, прибрежными хуторами, потонувшими в зелени садов, величественным Днепром, южной ночью с ее неподвижным воздухом.

Лучшим произведениям Васильковского свойственна лиричность. Для всех его работ характерны блестящая техника, умение передать тончайшие изменения в природе.

Колорист Васильковский был замечательный. Равно хорошо он изображал воду, землю, деревья. В его картинах много воздуха и света,— недаром товарищи называли художника «воздушным» Васильковским. Критика же именовала его пейзажи шедеврами.

Художник одинаково хорошо работал маслом, акварелью, карандашом, отдавая искусству почти все свое время. Куда бы он ни уезжал, отовсюду привозил зарисовки, этюды, картины.

Значительное место в творчестве художника занимала работа над историческими и жанровыми полотнами,— к героическому прошлому своего народа он испытывал живой интерес.

Все свои богатые коллекции — старинного оружия, национальной одежды, народных вышивок, свыше тысячи картин — Васильковский завещал на организацию музея в Харькове.

После смерти художника о нем писали: певцом Украины, как и Шевченко, Васильковский был всю жизнь; он оставил очень глубокий след в искусстве вообще и в украинском в особенности; след этот не исчезает...

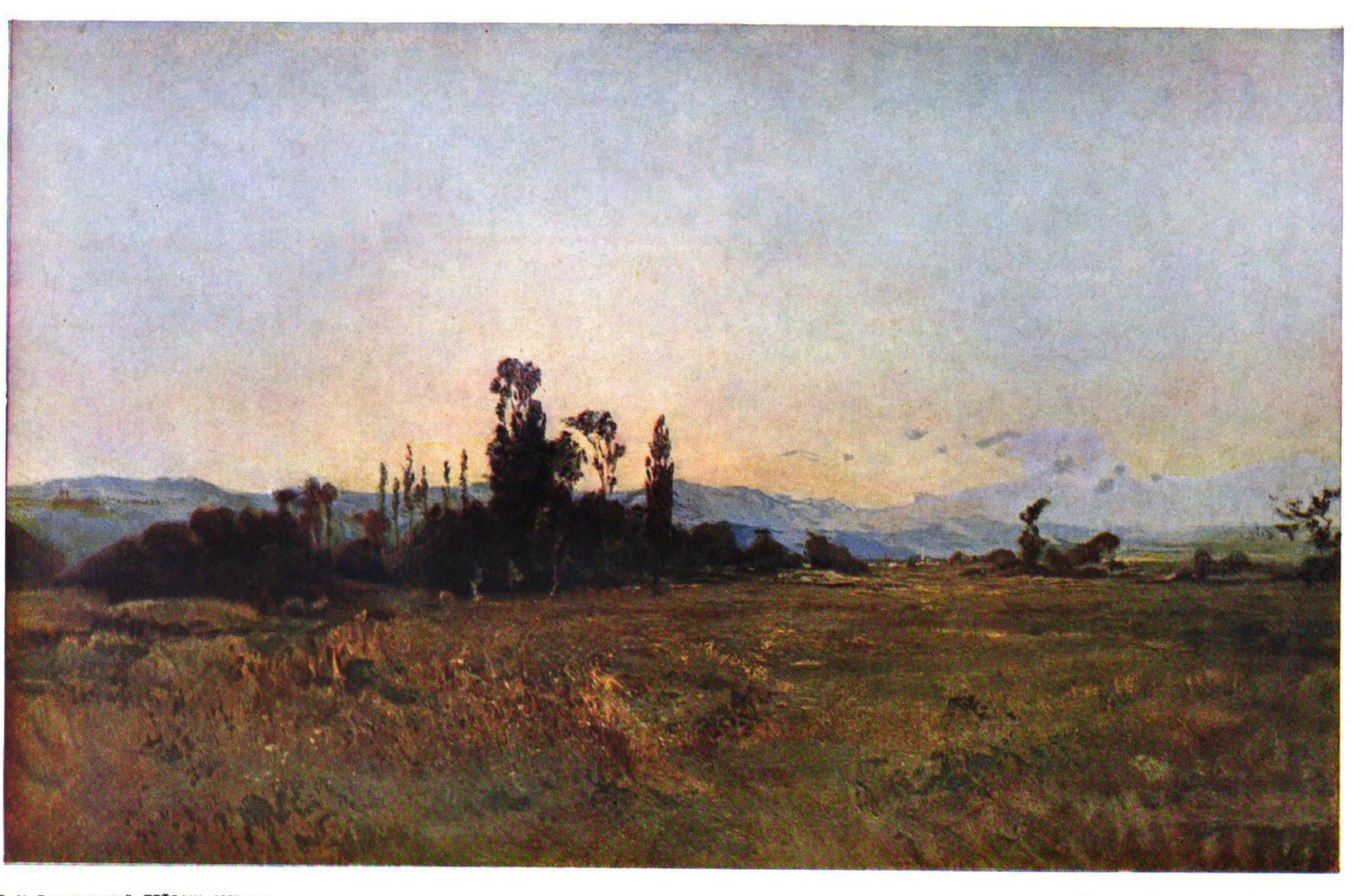
З. ЧЕЛЮБЕЕВА

Copyrighted material

С. И. Васильковский. ОКРЕСТНОСТИ ХАРЬКОВА. КУРЯЖ. Частное собрание. Публикуется впервые.

С. И. Васильковский. ЛЕТНЯЯ НОЧЬ. ХАРЬКОВЩИНА. Частное собрание. Публикуется впервые.

Copyrighted material



С. И. Васильковский. ПЕЙЗАЖ. 1887 год.

Частное собрание. Публикуется впервые.

Copyrighted material

С. И. Васильковский. ЭЛЬБРУС.

Частное собрание. Публикуется впервые.

С. И. Васильковский. ВЕНЕЦИЯ. ЛАГУНА.

Частное собрание. Публикуется впервые.

О неувядаемом

Писатели и книги

К выходу нового, исправленного издания «Тихого Дона»

Виталий ЗАКРУТКИН

Обдонье. Утренние зори над тихой, спокойной рекой. Просмоленные рыбацкие баркасы у песчаных закосков. Окаймленные вербовой порослью ерики. Зеленая мережа виноградников на крутом правобережье в низовьях. Густое разнотравье широких займищ, набитые колесами дороги-летники с бурьянком по обочинам. Желтовато-бурая стерня убранных полей, на которых маячат высоченные скирды. Глинистые взлобки холмов, стародавние курганы, ветряки у станичных окраин, медленно плывущие на восток, сивые, как смушек, «низовые» облака...

А за Доном, все дальше на юго-восток, неоглядная, бездорожная, испещренная солонцовыми западинами степь. В степи горьковатый душок прогретой солнцем полыни, колыханье ковыля, темные накрапы жесткой верблюжьей колючки. Замаячит на горизонте табун рыжих коней, пропылит вдоль ложбины овечья отара, лениво взлетит с неприметной высотки ржаво-кофейный подорлик, промчится за старым рогалем стадо быстроногих сайгаков, и снова никого, только горячий ветер и тишина.

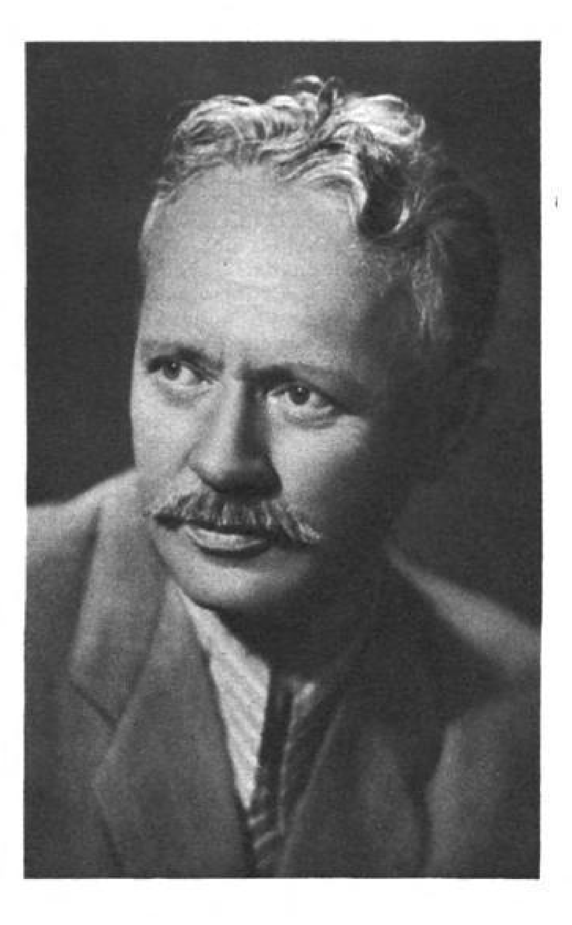
Милая сердцу земля донская! Преображенный великими событиями благодатный казачий край, край хлеборобов, пастухов, воинов! Сколько песен о тебе сложено, сколько сказаний, сколько легенд!

Уж не на этой ли бегущей по крутому яру хуторской тропе впервые встретился с красавицей Аксиньей белозубый, румяный Григорий Мелехов? Не по этому ли пыльному шляху, все еще беззаботный, веселый, уходил он на войну? Не тут ли, меж тополями-раинами, с шумом и песнями пролетел его свадебный поезд?

Свежей прохладой дышит текучий ерик. Зеленеет куга по болотцу. Певуче причитает, жалобно зовет кого-то белокрылый чибис. Серебрится у верб тонкая нить паучка-кочевника, а плакучие, давними грозами опаленные вербы уронили ветви до самой воды. Кажется, тут, совсем рядом, измученный, постаревший Григорий навеки прощался со своей любовью, тут он сложил на груди Аксиньи побелевшие смуглые руки, тут примял на могильном холме влажную глину...

Давно миновало, безвозвратно уплыло то время. Прошла и другая пора — пора трудной работы двадцатипятитысячника Давыдова, недолгих сомнений Кондрата Майданникова, последних вспышек волчьей ярости Половцева, Лятьевского, Островнова.

По-иному выглядит казачий Дон. Пересекла его древнее ложе чудо-плотина, засинело в степи созданное свободным народом широкое море, зазеленели молодые сады, и над самым Доном пашут колхозные нивы электротракторы, по ровным, как натянутая струна, каналам побежала в степь живительная вода.



Преобразился край донского казачества, расцвел, как воспетый в песнях лазоревый цветок. Давно перевернутой страницей стала трагедия Григория Мелехова, Аксиньи, Натальи.

Но как бы стремительно ни уходили дни, какие бы новые события ни заслоняли пережитое, народ помнит и любит рожденное в казачьем крае неувядаемое творение Михаила Шолохова, потому что «Тихий Дон» — книга большой правды, мужественное сказание о жизни и о человеческих страстях, о ясном будущем, ради которого лилась кровь и пламенели пожары в степях донских, на русских равнинах, в сибирской тайге.

Имя Михаила Шолохова известно везде. Колхозники-белорусы, московские ученые, студенты-китайцы, чешские девушки-работницы, немецкие шахтеры, индийцы, англичане, корейцы — все с волнением читают «Тихий Дон», с радостью и печалью следят за судьбами его героев.

Сила Шолохова в его неразрывной связи с народом. Ему не нужно было «ходить в народ» или «собирать материалы» в творческих командировках. Он сам — плоть от плоти и кровь от крови народа. Рожденный на степном хуторе, он всегда жил и продолжает жить с народом. С детских лет он связан с казаками-земледельцами. От них перенял умение трудиться в поле, скакать на коне, ловить рыбу, у них научился угадывать погоду по мерцанию звезд, по росе на травах, по оттенкам солнечного заката. Знаменитый писатель, академик, депутат Верховного Совета СССР Михаил Шолохов и сейчас не может жить без земляков-станичников, без степи, без родных берегов, без того ощущения полного слияния человека с живой природой, которое свойственно земледельцам.

По-азиатски поджав ноги, он может часами сидеть где-нибудь на крутом бугре у Хопра, следить за игрой рыбьих мальков в изжелта-зеленой речной воде, слушать неторопливые рассказы бородатых пастухов-колхозников. Пробираясь сквозь лесной бурелом, утопая по пояс в снегу, выслеживает он дикого бродягу-кабана, неизвестно как оказавшегося в окрестных придонских лесах, убивает его снайперским выстрелом и лукаво посмеивается над трусоватым спутником, который при виде зверя от страха полез на дерево.

Сидя за рулем своего «газика», он успевает заметить все, что делается по сторонам: комбайны на горизонте, мелькнувшую в кювете изумрудную ящерицу, розоватый вьюнок в недокошенной пшенице, отпечаток конской подковы на протоптанной в луговине тропинке.

Но как бы ни любил Шолохов деревья и травы, реку и степь, как бы ни наслаждался цветами и запахами земли, — больше всего он любит человека. Каждый честный, работящий человек с горячим сердцем и мужественной душой — друг и брат художника. Тракторист, вдова-солдатка, колхозный бригадир, секретарь райкома партии, школьный сторож, рыбак — все они приходят и приезжают к Михаилу Шолохову зачастую из очень дальних городов и станиц, чтобы услышать его совет, рассказать ему о своих делах. И Шолохов всегда умеет понять человека, помочь ему.

«Лишь трава растет на земле, безучастно приемля солнце и непогоду, питаясь земными жизнетворящими соками, покорно клонясь под гибельным дыханием бурь. А потом, кинув по ветру семя, столь же безучастно умирает, шелестом отживших былинок своих приветствуя лучащее смерть осеннее солнце...».

Человек не трава. Он трудится на большой земле, он любит и ненавидит, радуется и страдает, он борется за счастье всего человечества, за добро и правду, и в этом истинная красота его жизни. Горе человеку, если в суровой борьбе за будущее он не захочет или не сможет понять то, к чему стремятся все люди, если он не определит свое место в великом сражении и попытается пойти против жизни. Трагическая судьба Григория Мелехова — яркое доказательство этого. С неослабным вниманием, с печалью, с горестным сожалением следим мы за тем, как развертывается перед нами повесть его жизни, и многократно растет в нашем сердце любовь к той единственной правде, с которой разминулся этот цельный, мужественный, красивый человек.

Именно за правду, за глубокое проникновение в мир человеческих страстей, за широту и силу, за высокую художественность любят читатели шолоховский «Тихий Дон», за это они любят и творца неувядаемой эпопеи. Нужно ли говорить о том, как напряженно, с каким жадным нетерпением ждем мы новую книгу Шолохова, с каким волнением читаем любой его очерк, любой отрывок, публикуемый в газетах и журналах?

И вот перед нами четыре скромно оформленных, в синих с позолотой переплетах книги — новое издание «Тихого Дона», выпущенное массовым тиражом Государственным издательством художественной литературы. На титульном листе романа значится: «Издание исправленное»,— и, конечно, каждый из читателей — в который раз! — открывает любимую книгу, чтобы узнать, какие же исправления внес автор в давно знакомый текст «Тихого Дона».

Работа М. А. Шолохова над новым изданием шла по многим направлениям: уточнялись, а кое-где существенно изменялись характеристики исторических лиц, исключались отдельные сцены, которые звучали излишне натуралистично. Значительная работа проведена над языком произведения. Более четко формулировались авторские пояснения в сносках.

По-иному выглядят сейчас в романе фигуры известных донских революционеров Федора Подтелкова и Михаила Кривошлыкова. Исключены эпизоды, ранее позволявшие считать Подтелкова казаком-автономистом, острее и тверже стали его речи. В уста Кривошлыкова вложены новые реплики. Это придало образам Подтелкова и Кривошлыкова гораздо большую ясность и целеустремленность.

Несравненно глубже вскрыта в новом издании контрреволюционная сущность корниловщины. Дана более четкая авторская оценка

Copyrighted material

некоторых исторических документов, например, решений Донского войскового круга.

В прежних изданиях, особенно в первых двух книгах, в известной мере сказывалось увлечение М. А. Шолохова, превосходно знающего донские народные диалекты, местным говором. На страницах романа мелькали слова, зачастую требующие особых пояснений: «водворка», «гузырь», «дрям», «хлынец», «чикиляй». Писатель в речи героев придерживался написания общеизвестных слов по их местному произношению: «ишо» (еще), «хучь» (хоть), «холодишша» (холодище). Правда, с каждой книгой романа Шолохов все больше освобождался от увлечения диалектизмами, язык «Тихого Дона» приобретал все большую чистоту и ясность. Сейчас, в новом издании, проделана большая работа по дальнейшей очистке языка: из текста почти исчезли вульгаризмы, смягчены грубоватые староказачьи выражения. Чарующий язык шолоховской эпопеи, отнюдь не теряя народного колорита, стал еще чище, ровнее, строже.

И все же кое-где, как нам кажется, языковые исправления можно было вносить более тактично и тонко, чтобы нисколько не нарушить общий строй шолоховского языка. Один пример. В прежних изданиях, разговаривая на пахоте с нелюбимой Натальей, Григорий говорил ей: «Нету на сердце ничего... Пусто. Вот как зáраз в степе...» В новом издании — «как сейчас в степи». Если автору и редактору романа К. Потапову не нравился закономерный, исторически объяснимый в речи героя украинизм «зáраз», они могли заменить его чисто казачьим и вместе с тем общепонятным словом «ныне». Вряд ли слово «сейчас» характерно для казаков-станичников тех лет. Оно и в наши дни почти не употребляется в донских станицах.

К счастью, таких не совсем точных и не совсем удачных исправлений в новом издании немного. Однако, если речь идет о шолоховском тексте, то тут любой «неверный звук» сразу чувствуется, и не только литераторами, но и читателями, которые, к слову сказать, уже начали сверять тексты «Тихого Дона» и ведут страстные споры по поводу правомерности того или иного исправления.

Но как бы ни спорили читатели, какие бы соображения ни высказывали отдельные ревнители неприкосновенности «Тихого Дона»,— советский народ получил прекрасный подарок: любимую книгу, обновленную после большой, трудной работы.

Новое издание прославленной эпопеи сопровождается обстоятельной статьей редактора романа К. Потапова. Автор статьи любовно, в высшей степени добросовестно изучил множество материалов, привлек неизвестные факты биографии писателя, сделал серьезный анализ нашей литературной жизни 20—30-х годов, хорошо объяснил значение «Тихого Дона». Жаль только, что К. Потапов ничего не сказал о благотворном влиянии Михаила Шолохова на молодых мастеров советской литературы и литературы народно-демократических стран. Между тем тут можно было бы назвать немало примечательных литературных явлений, тесно связанных с именем Шолохова.

Народ отбирает любимые книги на века. Он неподкупный судья и великий ценитель. Отобранные им творения не меркнут, не увядают, никогда не теряют силы, не изменяют правде жизни. Вместе с другими прекрасными книгами о нашем неповторимом времени народ на века признал и шолоховский «Тихий Дон».

...Совсем недавно мне довелось быть в Задонье, в безлюдной, опаленной солнцем и засухой степи близ Черных земель. В жаркий полдень я и мои спутники присели на склоне еле приметного степного холма. Вдали, по низинам, белесо струилось светлое марево. Восточный ветер лениво крутил по набитым овечьим тропам бурую пыльцу, поднимал ее вверх и рассеивал в чистой голубизне неба.

Пожилой казак-охотник, лежа на боку, раздвинул ломкие кусты полыни, отыскал и сорвал в гущине малую травку. Он бережно уложил на ладони нитевидный четырехгранный стебелек, примял неяркие, усыпанные точечками листья, поднес ладонь к лицу и зажмурился.

— Вот он, наш чебрец, наша трава-любушка, — стыдливо гася ласковость, сказал он,— ты ее рви, эту траву, топчи, вези ее хотя бы на край света, а дух у нее будет живой, крепкий, потому что живучий он, все равно как цветок-бессмертник...

Такой пахучей травой-чебрецом, неувядаемым степным бессмертником, представилась мне в тот жаркий летний день шолоховская эпопея.

За городской стеной Пекина поднимается высокое изящное здание, увенчанное сорокапятиметровым шпилем. Пятиконечная звезда на острие его видна издалека. Здесь находится Выставка экономических и культурных достижений СССР.

Товарищ Чжоу Энь-лай разрезает ленту. Выставка открыта!

На открытии выставки: Чжоу Энь-лай, Лю Шао-ци, Н. С. Хрущев, Н. А. Булганин, А. И. Микоян, Н. М. Шверник, Д. Т. Шепилов. Выступает посол СССР в Китае П. Ф. Юдин.

В краю источников и гейзеров

Гейзер Жемчужный.
Фото И. Лагунова.

Житель Камчатки далеко не всегда проводит свой отпуск на Большой земле. Здесь много местных курортов. Камчатка — это край действующих вулканов, гейзеров, горячих ключей и озер, а также минеральных целебных источников.

В Озерной, на западном побережье, расположены курорты Первые Ключи и Вторые Ключи. Чудесно можно провести отпуск в долине гейзеров или в верховьях Опалы и многих других рек и речушек Камчатки.

Гейзеры в долине — самых различных размеров. Многие из них имеют названия: Великая, Малый, Жемчужный, Фонтан... Они словно снабжены часовым механизмом и действуют через различные, но совершенно равные промежутки времени. Одни извергаются только раз в сутки, другие же примерно — каждые полчаса.

Горячие ручьи, стекающие по долине, согревают землю настолько, что здесь гнездятся птицы, не улетающие на юг даже зимою.

Copyrighted material

У зуборезного автомата.

ВЫСТАВКА В ПЕКИНЕ ОТКРЫТА

Фото спецкорреспондента «Огонька» Дм. Бальтерманца.

Вьетнамских девушек заинтересовал ткацкий станок.

Слесарь одного из московских заводов Николай Махров объясняет слесарю Сюй Пан-нину устройство нового советского станка.

Особый интерес вызвал зал промышленности.

Copyrighted material

Октябрь 1944 года. В освобожденных кварталах Белграда.

ДЕСЯТЬ ЛЕТ НАЗАД

Десять лет назад, 20 октября 1944 года, части Советской Армии совместно с частями Народно-освободительной армии Югославии освободили от гитлеровских захватчиков столицу Югославии — Белград. Мы печатаем некоторые фотографии, сделанные в те дни советским фотокорреспондентом Е. ХАЛДЕЕМ.

Советские воины беседуют с югославской партизанкой.

Матрос Дунайской флотилии беседует с жителями Белграда.

На улицах Белграда в октябре 1944 года.

Советский солдат разминирует улицы Белграда.

Copyrighted material

Советская медицинская сестра и югославские партизаны.

В освобожденном югославском селе.

Советские зенитчики охраняют здание югославской Скупщины от воздушных налетов.

Югославские крестьяне приветствуют первого советского летчика, прилетевшего на связном самолете.

Copyrighted material

Енисей – голубая

Большой Порог.

Е. РЯБЧИКОВ

Специальный корреспондент «Огонька»

Фото автора.

3

Гидростанция на Кара-Кеме

Светлый купол неба, разрезанный горами, темнеет. Слышится тяжкий и грустный вздох... Уж не тайга ли, засыпая, прощается с солнцем? Любите ли вы природу, равнодушно ли относитесь к ней, звездная ночь на Енисее не только покорит, она лишит вас спокойствия, заставит оцепенело сидеть у костра и дивиться чудесам. Мелькавшие весь день то красные, то синие, то серые скалы утрачивают острые, ребристые очертания и словно погружаются в тушь. Природа как бы убирает во тьму утесы и скалы, всю пеструю расцветку тайги, и парящего коршуна, и резвящуюся в быстрине серебристую рыбу, оставляя человека один на один с рекой.

Шум, похожий на морской шторм, все нарастая, катится по ущелью. Енисей несет штормовые волны, и весь он в холмах, он бьется, и рычит, и плещет, и гонит пену, и кидает в костер пригоршни студеных брызг.

На заре плот уходит дальше на север. Еще несколько часов «бега» — и за поворотом урочище Кара-Кем.

Два деревянных дома стоят над Енисеем; над одной крышей — радиоантенна; за оградой — приборы метеорологической станции. Кто-то выбегает из дому и на миг застывает, а потом машет рукой, сзывая всех к реке: какая радость, какая неожиданность — идет плот!

Бревенчатые домики, огороды, хозяйственные постройки, лодки на берегу, вывешенные для сушки сети — вот, кажется, и все, что видят каждый день жители. Начальник метеорологической станции Виктор Павлович Коробицын и его жена Нина Ильинична живут добровольными отшельниками — они сами добывают рыбу и медвежье мясо, готовят на зиму дрова и сено, собирают грибы и ягоды, «шишкуют»—сбивают кедровые орехи, сушат малину и бадан — целебную траву охотников. Нина Ильинична без боязни уходит в тайгу по грибы, захватывая на всякий случай кинжал и винтовку; Виктор Павлович хладнокровно истребляет гадюк и развешивает их на ограде. Это будни, это жизнь в тайге. Но есть любимое дело, ради которого муж и жена уехали в глушь: они изучают реку, наблюдают за температурой воздуха, за климатом, собирают фактический материал для будущих диссертаций. Они верят и знают, что все это нужно для освоения Енисея.

Сейчас Коробицын строит на бурной Кара-Кеме плотину микрогидроэлектрической станции — предтечу могучих енисейских гидрогигантов. Он рассчитал плотину, приготовил чертежи, «сбегал» с ними вниз по Енисею на салике через пороги и камни в Минусинск, списался с Академией наук СССР, получил одобрение и вот заканчивает строительство. К зиме на Кара-Кеме зажгутся электрические огни.

Плот «бежит» дальше. Изыскатели видят на свалившемся дереве медведя. Зверь с любопытством осматривает салик. Сытый и довольный мишка, видимо, хочет познакомиться с неизвестным предметом. Легко прыгнув в воду, он без усилий одолевает быстрину. Обогнув плот и не коснувшись его, медведь переплывает на другой берег и вылезает из воды...

Наконец разведчики недр прибывают к цели своего путешествия. Описав широкий полукруг, салик подходит к устью клокочущей горной речушки. Лоцман хватается за кусты; плот прекращает бег. На берег переносят мешки, ящики с продовольствием, инструменты, топоры, ружья. Пассажирам салика предстоит долгая, полная опасностей и приключений жизнь в горах и тайге, в верховьях крошечного притока Енисея.

Распрощавшись со своими пассажирами, лоцман отплывает на заре по служебным делам еще дальше — к Большому Порогу.

«Каменная летопись»

На отвесно поставленных желтовато-белых скалах запечатлена летопись Большого Порога. Из года в год на протяжении четверти века расписывались здесь лоцманы и рулевые, железом выбивали даты прибытия речных кораблей, крестами и наивными эпитафиями отмечали память погибших.

«Тот, кто видел Большой Порог, тот видел чудо природы» — начертано белой краской на «летописной скале». Рядом с изречением таежного философа нарисован черный якорь, а поодаль — корабль. В нижнем углу каменной стены сохранилась едва ли не первая роспись:

«1929 г. п/х «Улу-Хем». П. Г. Дерягин».

Петр Георгиевич Дерягин, комендант жилого поселка, жив, здравствует и с гордостью носит имя «хозяина Большого Порога». Невысокого роста, жилистый и крепкий, Дерягин стал живой историей этого места.

В двадцатых годах с величайшими трудностями был доставлен сюда пароходик «Минусинск» и с помощью воротов проведен через водосливы. В 1929 году провели через Порог специально построенный пароход «Улу-Хем». Тогда и началась перевозка грузов в Чаа-Холь, Шагонар и Кызыл. Делалось это так: пароход «Щетинкин», преодолевая стремнину, пороги и шивера, шел от Минусинска до урочища Большой Порог, здесь его разгружали, товары перевозили на лошадях к устью Казыр-Сука, где была создана «верхняя пристань». Отсюда загружали трюмы «Улу-Хема».

В ту пору еще не было автомобильной трассы через Саяны, и сложные, опасные, дорогостоящие перевозки по Енисею были единственной возможностью доставлять грузы в Туву. Когда открылась автомобильная дорога через Саяны, прекратились эти рискованные рейсы. Решено было реконструировать Верхний Енисей, создать специальный флот для надежных пассажирских и грузовых плаваний по трассе Красноярск — Кызыл.

На многочисленных порогах появились изыскатели, определявшие скорость течения, расход воды; в то же время взрывались наиболее опасные валуны, река освобождалась от подводных скал. Особые трудности встретились на Большом Пороге. Кипящий поток, загнанный в узкий каменный ход шириной примерно 60 метров, проносится на протяжении четверти километра по бесчисленным камням и обрушивается водопадом с высоты около четырех метров. Чтобы провести через этот водопад судно, понадобилось очистить взрывами нижний участок русла и создать сложную систему механической тяги.

Выше Порога поставили лебедку; через нее пропустили длинный стальной трос, один конец которого спустили на поплавках через водосливы, а другой прицепили к трем тракторам. Когда к Большому Порогу пришел из Минусинска теплоход «Туркменистан», его забуксировали тросом и начали тянуть через водопад двойной тягой — силой корабельных двигателей и тракторов.

Едва «Туркменистан» вошел в нижний слив, где грохочет белая вода, как нос судна глубоко зарылся в волны, и мохнатая пена покатилась по железной, наглухо задраенной палубе. Судно превратилось в... подводную лодку. Тракторы и судовые двигатели тянули стальной корпус сквозь

«Туркменистан» на Большом Пороге.

См. «Огонек» №№ 40, 41.

дорога

толщу воды, «запирая» им русло, и потоку оставалось лишь нестись по палубам.

«Туркменистан» благополучно преодолел стремнину и вернулся обратно через Порог. А через год он вновь поднялся с помощью тракторов, и за теплоходом установилось почетное звание разведчика енисейских порогов.

Мачты под радугой

Радист Большого Порога Иван Перец, закончив вечерний прием, сообщает урочищу новость: к Порогу снова идет «Туркменистан». Полетела весть от охотника к охотнику по саянской тайге. В урочище появился лоцман Бочегуров, обстановочный старшина Кирилл Иридеков, спускались с гор охотники.

Юные таежники увидели теплоход...

Чуть свет ребятишки бегут к нижнему сливу Порога. Набив рты пахучей смолой, они жуют ее и смотрят туда, где Енисей бушует на следующем, Дедушкином пороге. Не дождавшись теплохода, мальчишки лезут на кедры и «шишкуют» — ломают ароматные сиреневые шишки с недоспелыми орехами, — давят в кустах гадюк, собирают грибы. А взрослые заняты в это время подвозкой бревен, мостят причал для приема судна. Тракторист Андрей Свистунов тянет сутунки — толстенные лиственничные и кедровые стволы; приплывший на Порог Кеша Бочегуров, вооружившись топором, рубит ряжи, Кирилл Иридеков готовит настилы. Веселее пошла работа и у гидрологов, изучающих Большой Порог.

Над Дедушкиным порогом точно повисла в воздухе яркая радуга водяных брызг. Под этой радугой показываются черные мачты теплохода. Долго, очень долго, со скоростью один—два километра в час, идет «Туркменистан» против воды. Кажется, что судно с огромными усилиями забирается в гору по петляющей, то исчезающей, то бегущей из скал серебристой дороге. Иногда «Туркменистан» принимает на борт налетающую лавину воды и тогда стоит час—другой, пока «не дрогнет» река и в ней не обнаружится «слабинка». Но вот слышится «ура». Бегут из урочища люди: дождались! Свистунов гонит трактор. Кузнецов с гидрологическим отрядом выходит к построенной пристани у нижнего слива. Бочегуров готовит для дружков-матросов уху, ребятишки несут мешки кедровых шишек и корзины ягод.

Вот оно, необычайное судно, разведчик порогов и малых рек. На речном корабле прокладывали не только опытные проходы через Большой Порог, но исследовали прежде не изученные и не освоенные притоки Енисея в горах и тайге. Весной «Туркменистан» ходил за тысячи километров по дикой Подкаменной Тунгуске в Ванавару. Ступив на берег, капитан Зыков сообщает главную новость: специально для Верхнего Енисея на верфях в Красноярске построен мощный теплоход «Кызыл». Он сможет ходить через все шивера и камни по Верхнему Енисею, и только на Большом Пороге ему нужна будет помощь тракторов.

Пора в путь. Надо же, чтобы именно в час отплытия к гулу и стону Большого Порога присоединился ливень. По длинному ущелью прокатывается, как тяжелый чугунный шар, отзвук налетевшей грозы. Над сопками вспыхивает белое пламя. Прежде чем обложной дождь успевает скрыть горы и реку, оглушительный треск раздается над «Туркменистаном». Якорные цепи, натянутые до предела, едва держат судно. Теплоход то ударяется бортом о бревенчатый настил, то взлетает на волны, то летит к камням. Разведчики рек и порогов привыкли плавать в любую погоду, и гроза не страшит их. Зыков встает к рулю, старпом Гриценко приказывает выбирать якоря.

Провожать гостей выходит все урочище. Седовласая Агафья Ивановна Дерягина приносит подносы с жареной рыбой, пирогами и ватрушками.

— Счастливо сбегать вниз! — напутствует она матросов.— Счастливо возвращаться на «Кызыле»!

Дерягин смотрит на ходовой мостик, где стоят капитаны, и вспоминает свои первые плавания к Порогу. Он чувствует, что скоро наступит конец таежной глухомани, и через Порог пойдут рейсовые теплоходы. Кирилл Иридеков помогает другу Бочегурову отдать концы, подсаживает его на борт уходящего судна и провожает взглядом Кешу. Бочегуров взбегает по трапу в рулевую рубку, встает рядом с Зыковым: в такую грозу капитану нужен совет лоцмана.

Освободившись от якорей и швартовых, теплоход, как камень, брошенный из пращи, кидается вниз по течению. Происходит удивительный спуск — судно не идет, а стремительно скатывается, будто летит куда-то вниз, и это скорее гонки, чем судоходство. С огромным усилием пробивался в течение трех дней «Туркменистан» к Порогу, а сейчас преодолевает то же расстояние в 154 километра за несколько часов. На полном ходу проносится теплоход над кипенью Дедушкина порога, мчится мимо скал и утесов, то круто сворачивает по течению реки влево, то забирает вправо, то огибает острова, то минует протоки.

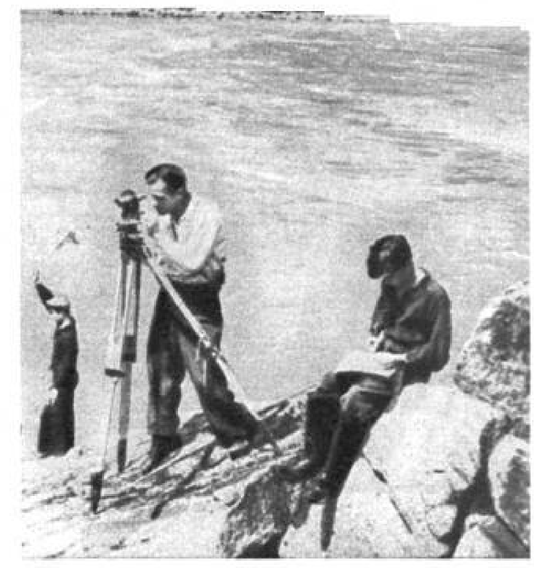
— Хорошо падает река! — восхищается Бочегуров.— Как олень бежит!

...Позади Ахтынские камни, Дедушкин, Березовский и Джойский пороги, Малиновый камень, Барочка, шивера Кобыльи ребра, Кантегир, Голубая и Бирюзовая речки. С крутых гор спадают белые потоки, и, впитывая их воды, река становится все шире и сильнее. В тайге появляются избушки охотников, за излучиной возникает поселок лесорубов, потом второй, и видны первый плот и первые катеры. Мелькают скалы Каменной деревни, издали напоминающие деревенские избы, потом встают в горах серые и черные отвалы породы, дымящиеся трубы рудника и линии электрических передач. Уже встречаются катеры, буксиры, «Туркменистан» обгоняет плоты, приветствует гудками деревни и села.

Долина расширяется, светлеет; еще один порог, еще перекат, и слева появляется село Означенное. Оно начинается в горах, а кончается в степи. В русле, напротив Означенного, белеет бурун над последним подводным камнем — Татарином. Саянские горы обрываются.

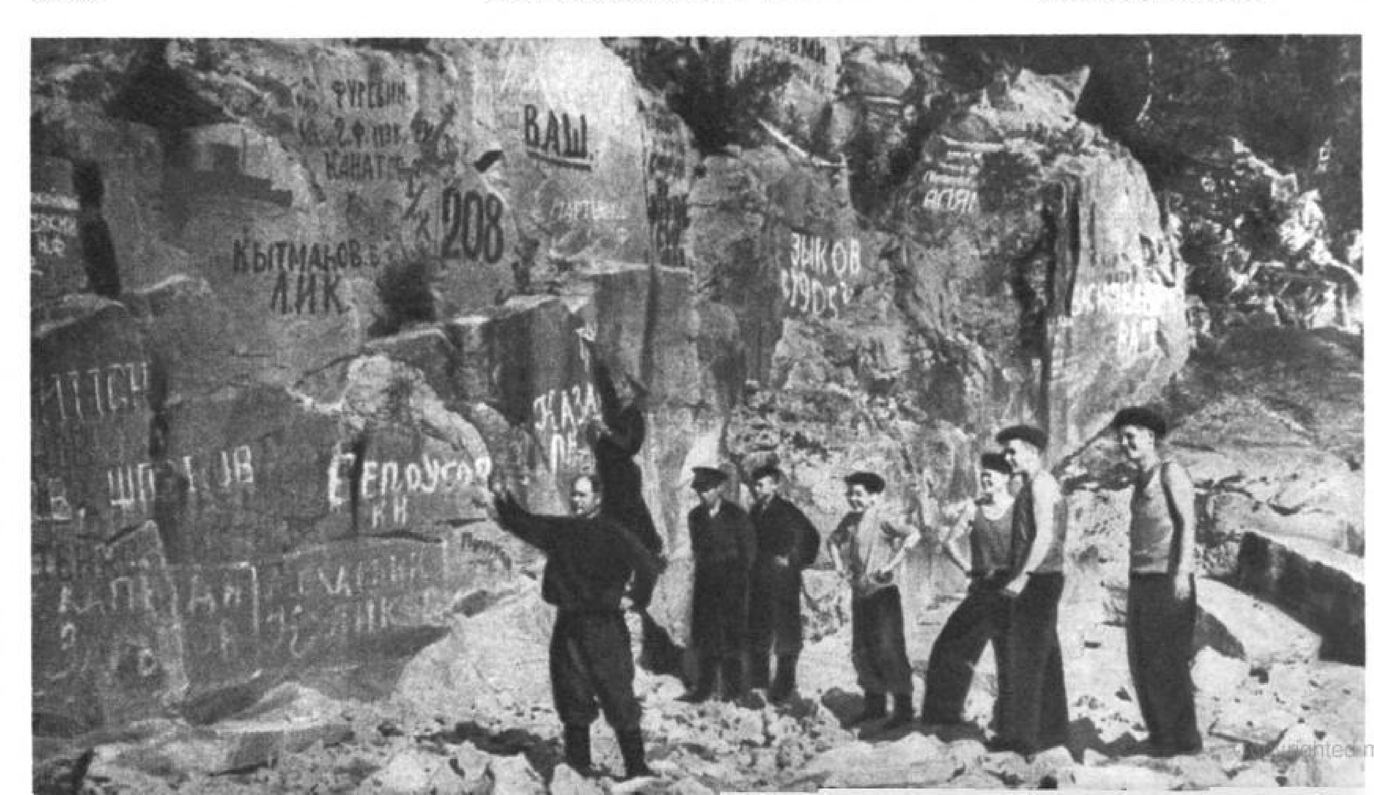
Только что Енисей бурлил и гудел в камнях, только что осеняли его густые тени, и вдруг открывается всхолмленная степь Минусинской равнины. Яркое солнце бьет в глаза, слепит, даль светла и неоглядна. Насколько охватывает взор, волнуются на теплом ветру тучные нивы, встают зелеными островками рощицы, и кажется, все отдыхает здесь после клокотания, рева и гула горной реки. И сразу становится тесно на берегах деревням и селам — они льнут к Енисею, голубые воды отражают избы, колхозные фермы, стада на зеленых лугах, ветряки, сигнальные мачты, бакены и блокпосты на перекатах.

— Шушенское! — торжественно объявляет капитан Зыков.



Гидрологи изучают скорость течения Енисея в Большом Пороге.

Капитан Е. И. Зыков.



Петр Георгиевич Дерягин знакомит команду «Туркменистана» с «каменной летописью».

Сегодня Татьяне Клюевой, продавщице книжного магазина, не обойтись без помощи младших сестер.

Ярмарка в Теньгушах

В. МАТВЕЕВ, Б. КУЗЬМИН

Специальные корреспонденты «Огонька»

Ранним утром ярмарочная площадь пуста. С трех сторон охватывают ее крутобокие холмы, на которые взобралось, спасаясь от паводков непостоянной Мокши, старинное мордовское село Теньгушево, или Теньгуши, как его называют местные жители. А с четвертой стороны, с востока, парадным въездом тянется к площади длинный деревянный мост.

Вот покатились с холмов, наседая на упирающихся лошадей, первые телеги, гулко загрохотала по мосту перегруженная автомашина, засуетились на площади люди. Все отчетливее проступают протянувшиеся в разных направлениях линии торговых рядов, и когда солнце поднялось настолько, что стало больно смотреть в его сторону, ярмарка уже гудела во всю силу.

С давних времен повелось, что каждый год после уборки урожая собирается в Теньгушах ярмарка. Теперь уже трудно объяснить, почему именно здесь, в сотне километров от железных и шоссейных дорог, собираются жители нескольких областей и районов: древнего Кадома и Кулебак, окской пристани Выксы и даже Мыса Доброй Надежды... Только другого Мыса — так именуется село в Рязанской области.

Вы услышите здесь мокшанский и эрзянский языки мордвы, речь татар, окающий волжский говорок и мягкое рязанское произношение. Здесь увидите вы мордовку с намасленными черными висками, татарку в белом, ниспадающем чуть не до пояса платке. Здесь вы можете полюбоваться оригинальными и самобытными нарядами теньгушевских девушек и женщин: искусно расшитыми ярко-красными и оранжевыми рубахами, пестроцветными, по-особому, до бровей повязанными платками, пышными до пят сарафанами и ослепительно белыми кружевными передниками.

И вся эта красно-желто-сине-белая пестрота колышется на фоне яркой зелени луга, густой синевы реки и прозрачной голубизны неба.

Одной из первых прибыла на ярмарку семья Горяева, звеньевого из колхоза имени Карла Маркса. Петр Никитич выращивает на колхозных полях рекордные для Мордовии урожаи подсолнечника. Задолго до ярмарки дочерям обещан велосипед. Петр Никитич спешит занять место в ряду, где продают скот. Основной его товар — телка, а гуси, яблоки, терновник и помидоры — это мелочь.

Одна к другой пристраиваются телеги, задираются к небу оглобли, а ватага разувшихся ребятишек уже погнала к Мокше на водопой табунок лошадей, колотя их по бокам голыми пятками.

Чего только нет на ярмарке!.. Овощами и фруктами здешних жителей не удивишь, а вот местные арбузы появились только в последние годы. Правда, по величине они уступают астраханским и камышинским, но по вкусу — об этом еще можно поспорить.

Славится Теньгушевский район своими пасеками. И если уж вы хотите купить лучший мед, берите у Феофана Харлампиевича Сорокина. Всем хватит: он привез на продажу целый центнер.

Торговые организации и артели разместились в деревянных палатках. Свисают ковры и дорожки, ткани и скатерти, связанные за ушки сапоги, на шнурках болтаются ботинки, раскачиваются на вешалках костюмы, кофты, пальто и шубы.

У теньгушевского книжного магазина есть хорошее каменное здание в селе, но сейчас там не найдешь ни одного человека, и продавец Татьяна Клюева, взяв в помощь младших сестер, развернула книжный базар на ярмарке. Ее основные покупатели — школьники, а товар — учебники. Но можно купить и художественную литературу на трех языках: мокшанском, эрзянском и русском.

Принял участие в ярмарке и сельский киномеханик. Правда, средь бела дня не покажешь кинокартины, но соединить звуковой усилитель с радиолой ему удалось, и через час — другой вся ярмарка знала, что его любимый певец — Рашид Бейбутов, а любимая песня — «Зюлейка-ханум»...

В какой торговый ряд ни пойдешь, всюду с трудом протолкнешься: и у гончарных изделий, и у корзин, и там, где торгуют бочками, кадками. Относительно спокойно около овражка, где продается скот. Покупатели здесь неторопливые, степенные, по рукам ударить не спешат, а сам товар — овцы, козы, телята и особенно коровы весьма флегматичны. Иначе ведут себя поросята. Их оглушающий визг закладывает уши. Видать, поросятам не нравится невежливое обхождение: их иначе не берут, как подняв за задние ноги.

Анна Петровна Куликова продает поросят.

— Почем? — спрашивают Мария и Пелагея Кошелевы.

— Тридцать рублей. В каждом не меньше полпуда будет.

Родители, у которых запропастились где-то на ярмарке дети, не задумываясь, идут к обрывистому берегу Мокши; тут над невысокой ширмой, размахивая остроконечным колпаком, сыплет прибаутками любимец детворы Петрушка. Петр Дмитриевич Рожнов прибыл на ярмарку из Рязанской области и дал за день пять спектаклей. Успех своего кукольного театра он объясняет тем, что двадцать лет назад учился в Москве у самого Образцова.

Есть на ярмарке еще одно «небезопасное» для родителей место. Там арзамасские кустари торгуют деревянными пестрокрашенными игрушками: коробочками, колясочками, свистульками...

Молодежь съезжается на ярмарку не за тем, чтобы продавать или покупать, а просто повеселиться. Высокие столбы, толстые пеньковые веревки да несколько досок — вот все, что нужно для качелей. А если еще попался лихой кавалер, то подобного удовольствия не получить, пожалуй, и на самолете.

Проводились на ярмарке и соревнования. У кого верный глаз и твердая рука, мог доказать это в тире. Лучшим стрелкам вручались призы, и Станислав Шаев «выбил» «Угрюм-реку» в хорошем переплете.

В другом соревновании также могли принять участие все желающие. Теньгушевские ребята вызывали потягаться с ними в силе на обычном канате. Они «перетянули» уже три района, хотели «перетянуть» Арзамасскую область, но канат не во-время лопнул.

Приблизилась к потребителю и расставила столики под открытым небом теньгушевская чайная. Вот когда оправдал себя многоведерный самовар! Но столиков для всех так и не хватило, и некоторым пришлось расположиться прямо на траве.

Казалось, что обошел и увидел все, что здесь было. Но вот раздалось нестройное, звонкое гоготание. Гусиный ряд? Да, это были гуси. Только не на ярмарке, а над нею. Они летели слегка изогнутой цепочкой в нежноголубом, как размытая акварель, небе. Ярмарка притихла на миг, проводила их тысячами глаз и заволновалась, зашумела попрежнему.

Теньгушевские перетянули...

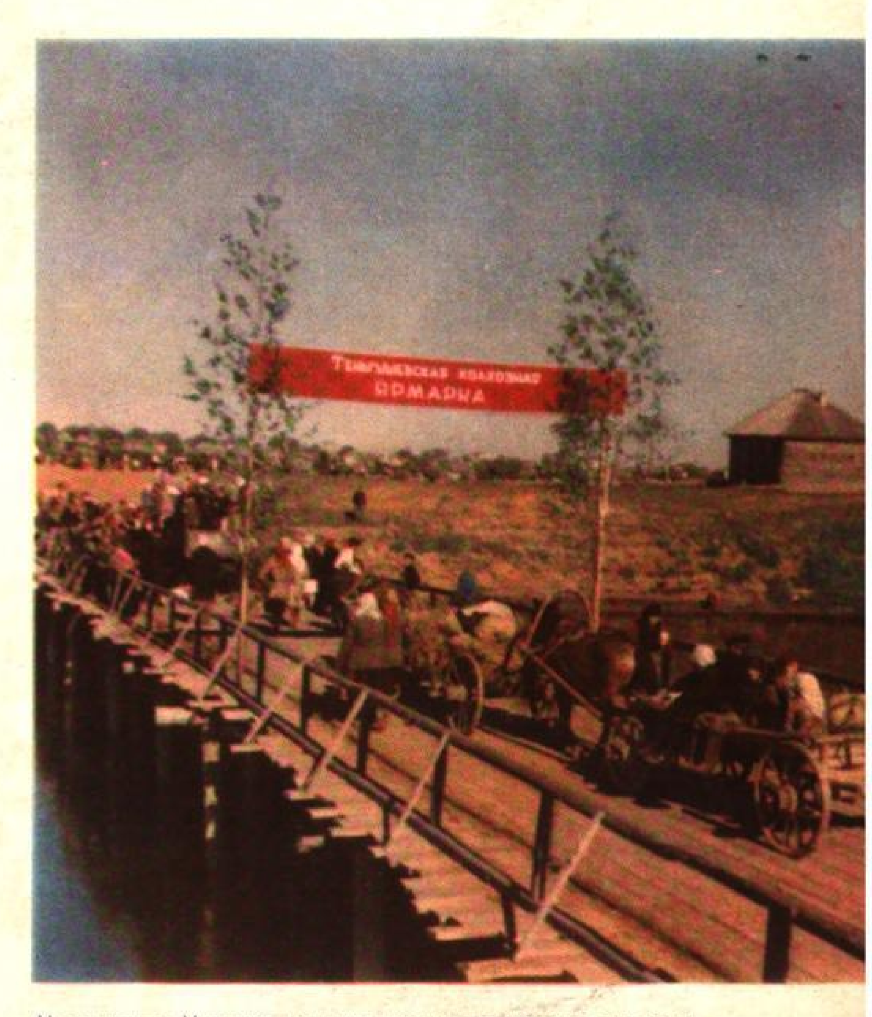
Станислав Шаев «выбил» «Угрюм-реку» в хорошем переплете.

Copyrighted material

ЯРМАРКА В ТЕНЬГУШАХ (Мордовская АССР).

Ранним утром на ярмарку выехала семья звеньевого П. Н. Горяева.

По вкусу теньгушевские арбузы не уступят камышинским.

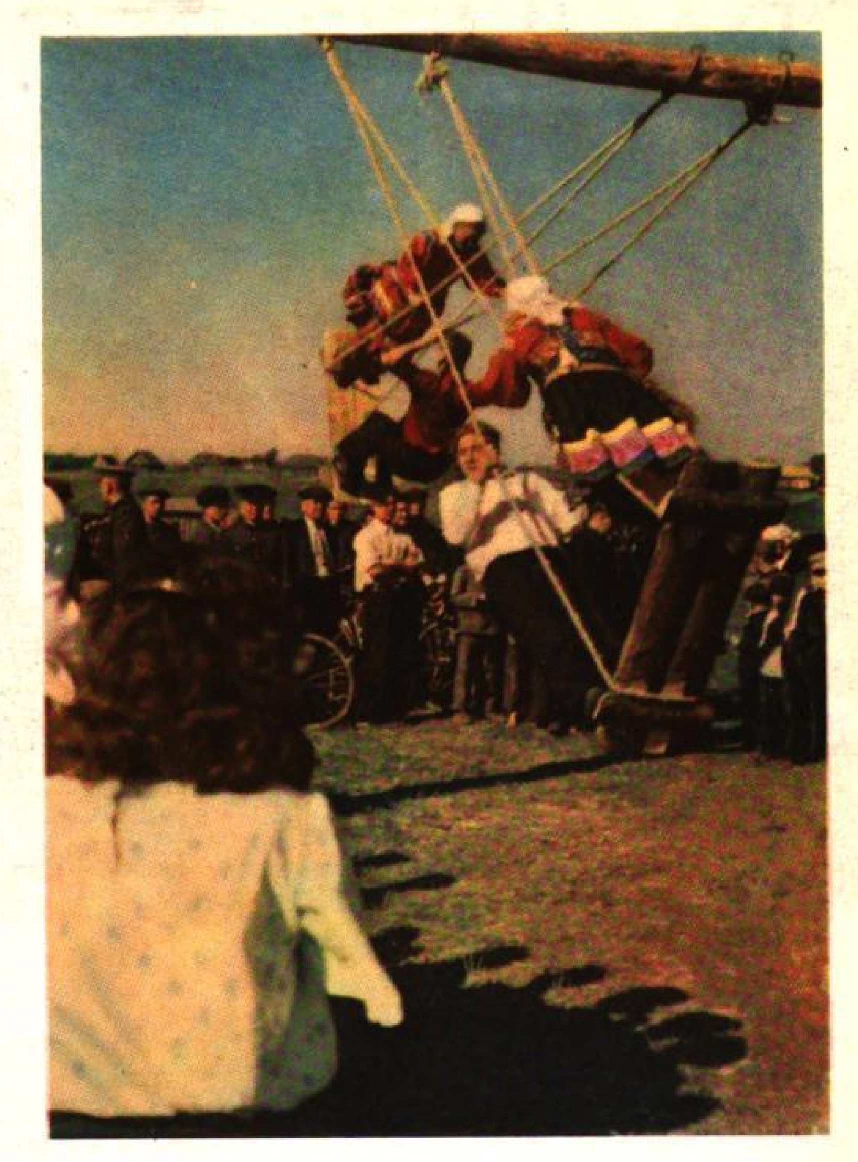


Мост через Мокшу стал парадным въездом на ярмарку.

Арзамасские рукодельницы привезли красочные шали.

Помидоры из совхоза имени Сталина не нуждаются в особой рекламе.

У кукольного театра и там, где продают игрушки, всегда собираются дети.



Страшновато, но зато весело...

Copyrighted material

РАННЕЙ ВЕСНОЙ

Рассказ

Дмитрий ОСИН

Рисунки П. Баранова.

В приемной никого не было. Заседание, видно, подходило уже к концу, потому что в списке вызванных на бюро секретарша успела зачеркнуть синим карандашом больше десятка фамилий, а когда Лужников назвался, отметила галочкой, что явился и он.

— Придется обождать, — коротко предупредила она, продолжая заниматься своими делами. Левая щека у нее вздулась, должно быть, от флюса, и была завязана платком. Жидкие, неопределенного цвета волосы жирно блестели.

«Ох, и весна-а! — подумал Лужников, невольно объединяя в одно и свой вызов в обком, и флюс секретарши, и то, чем жил последнее время. — Только снег согнало, как все сразу...»

Он сел на стул и тоскливо поиграл сцепленными пальцами. Они были смуглы, узловаты.

Оторвавшись от бумаг, секретарша мельком взглянула на Лужникова, поправила повязку. Концы платка торчали у нее на макушке, как заячьи уши.

«Плохо, видно, мое дело, — зябковато поежился под ее взглядом Лужников. — Чуть не последним по списку вызвали. Может, уже и решение заготовлено?..»

Он работал главным зоотехником в тресте совхозов. Две недели тому назад городской комитет партии предложил ему поехать в деревню, и в управлении сельского хозяйства даже был издан приказ о переводе Лужникова в зону Орланской машинно-тракторной станции.

Многие его знакомые, освобождаясь от надоевшей канцелярщины и бумажной возни, собирались в колхозы и совхозы. Но Лужников считал себя областным работником и отказался от назначения наотрез. Конечно, он хорошо знал, что такое сознательность и дисциплина, и, сидя в приемной обкома, думал сейчас о том, в каком положении оказался, а жизнь и связанные с нею обязанности представлялись нелегкими, запутанными и мучительно сложными.

Основным доводом против переезда в машинно-тракторную станцию, который выставлял Лужников, была болезнь жены, но, кроме этого, имелись еще и другие, о коих он предпочитал умалчивать. Не так давно Лужников перебрался из общежития в свой дом, построенный на окраине города, у самого Чертова рва. Дом этот был невелик, всего-навсего в три комнаты, но он-то и привязывал теперь Лужниковых к городу.

Если правда, что каждый человек должен хотя бы однажды в жизни устраивать свое гнездо, то они с женой отдали этому дому не только оставшийся запас сил, но и самую лучшую часть души. И кто ни глядел на солнечные окна, украшенные резными наличниками, на высокое, до блеска выскобленное крылечко, приглашавшее подняться по ступенькам и распахнуть дверь, обязательно отдавал должное не только хозяину с хозяйкой, а и строителям-мастерам.

Строили его, думалось, не на день, а на всю жизнь — для себя и детей, для внуков и даже, может быть, для их детей, кому также придется жить в этих добротных стенах. Сколько это потребовало труда и усилий, от чего только не приходилось отказываться во имя своего жилья: не спать ночами, залезать в долги, выискивать необходимые материалы.

Даже и сейчас, после вселения, кажется недоделанным то одно, то другое. А яблони, посаженные на огороде? А сирень под окнами?..

Целое лето Лужников таскал воду из Чертова рва, поливал их, окапывал, радовался каждому побегу, каждому листку. А теперь все это нужно бросить и ехать бог знает куда, на новое место, устраиваться и обживаться, где никогда не был и где, может, будет немило сердцу.

Он не находил себе места ни днем, на работе, ни дома, среди ночи, когда особенно одолевали неотвязные думы, а обида нашептывала все, что приходило на память. В такие минуты Лужникову казалось, что его нарочно поставили под удар сослуживцы, что это происки директора треста, которого он как-то раскритиковал на одном из партийных собраний за невнимание к быту подчиненных.

«Очень нужно было, — тоскливо ругал себя зоотехник. — Без твоей критики обойтись не могли!..»

Секретарша, вздыхая, шелестела бумагами, а Лужников сидел напротив нее, у самой стены, грузный, рано постаревший, в недорогом, мешковатом костюме, и думал о своем. Прислушиваясь к голосам, глухо доносившимся из-за обитой клеенкой двери, он пытался представить себе, что происходило в кабинете первого секретаря обкома Шаронина, где заседало бюро, и не мог.

Оставить семью, поехать в Орлань одному было невозможно. Продать дом, снова ютиться с детьми и женой по чужим углам представлялось еще худшим. А в то же время наступила пора держать ответ за то, что он отказался выполнить решение партийной организации, и в чем, сколько ни убеждали его, Лужников не чувствовал себя виноватым.

Он еще собирался отстаивать свои казавшиеся несправедливо нарушенными права, но, очутившись в приемной, отчего-то смутился и душевно дрогнул. Сказалась ли строгость окружающей обстановки или произошел неожиданный перелом во внутреннем напряжении, Лужников не мог сказать. Чем дольше он сидел и ждал, тем неспокойнее делалось у него на душе, как будто все, что составляло до этого ее содержание, ушло, оставив его наедине с этой тревогой и беспокойством.

Звонили телефоны: размеренно и обычно — городские, настойчиво и требовательно — районные, властно — иногородние. Секретарша освобождала из-под повязки большое, горевшее ухо, снимала трубку.

Давно уже приучившись, неизвестно от кого, не уважать людей, исполнявших трудные и неблагодарные секретарские обязанности, Лужников дивился ее умению схватывать на лету суть каждого вызова, мгновенно делать какие-то свои, особые выводы.

«Ловко это у нее, — поглядывая на секретаршу, думал он. — Знает, кому что сказать, куда направить...»

Немного погодя раздался звонок из кабинета. Торопливо поправив повязку, секретарша скрылась, оставив дверь неприкрытой.

— Енютин пришел? — послышался голос Шаронина.

— Нет еще, Тихон Иваныч. Он на восемь тридцать вызван.

— Позвоните! Скажите, чтобы шел...

Енютин был секретарем городского комитета партии, и, услышав его имя, Лужников сразу насторожился. Голос Шаронина был спокойным и ровным, как обычно. Определить по нему настроение оказалось невозможным.

Секретарша вернулась, плотно прикрыла дверь и, сняв трубку, набрала номер. Разговор в кабинете стал громче, возбужденнее. Похоже, после передышки выступавшие говорили с новыми силами.

— Здорово гоняют? — озабоченно спросил Лужников.

Не ответив, секретарша пожала плечами. Можно было подумать, что она решительно не понимает, о чем спрашивают, считая вопрос Лужникова бестактным.

Неожиданно в приемной показался Енютин.

— А я вам звоню! — увидев его, обрадовалась секретарша.

Енютин был невысок, с черными под бобрик волосами и грубоватыми, не очень правильными чертами лица. Темносиняя вельветовая куртка делала его не по возрасту моложавым и скрадывала худобу.

— Кажется, я не опоздал, — рокочущим баском отозвался он, глянув на часы, висевшие в простенке между окнами. — Даже на пятнадцать минут раньше явился.

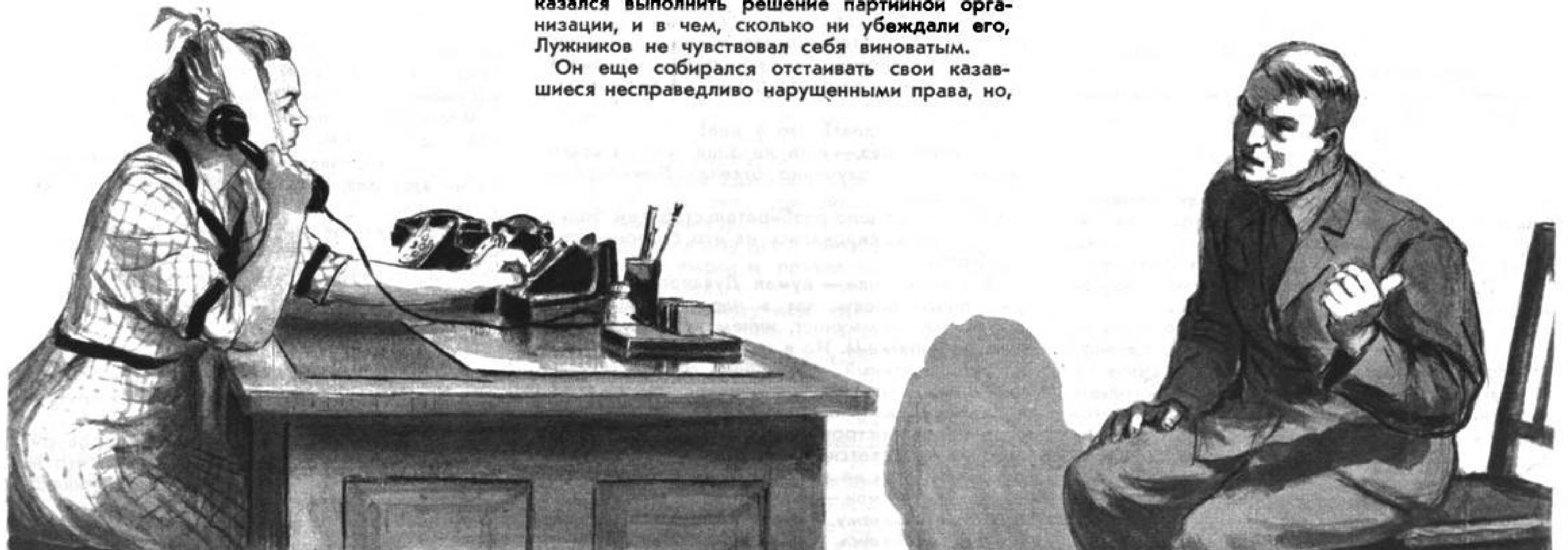
— Тихон Иваныч спрашивал. Сейчас вызовут.

— А кто... там?

— Прохоров.

— А-а! — заметив Лужникова, Енютин дружелюбно кивнул ему и, присев рядом, вытер уголки глаз, пожаловался: — Раньше времени жарко.

Лужников сдержанно согласился:



Copyrighted material

— Бывает...

— А ты все на своем стоишь? — видимо, догадавшись, зачем вызван в обком зоотехник, покосился Енютин.

— Стою.

— За жену прячешься?

— Не прячусь, а...

Дверь кабинета открылась, и оттуда краснее вареного рака показался высокий, в заношенном кителе мужчина с рыжеватыми, коротко подобранными усиками и неестественно молодыми зубами, так и распиравшими толстые губы. Не оглянувшись на ожидавших, он торопливо скрылся, оставив открытой дверь в кабинет.

— Прохоров! — окликнул его Енютин. — Ты что... даже знакомых узнавать перестал?

Поднявшись, он хотел прикрыть дверь, но вышедший из кабинета Шаронин сказал:

— Входи, товарищ Енютин. А Лужников здесь?

— Здесь, — отозвался, вставая на всякий случай, Лужников.

— Входите оба,— подумав, повторил Шаронин и, пропустив их в кабинет, остался в приемной.

Поздоровавшись с членами бюро, Лужников остановился возле длинного, накрытого зеленым сукном стола и огляделся. Енютин уже разговаривал о чем-то вполголоса с председателем областной партийной комиссии Костровским — седоватым, болезненным с виду человеком, страдавшим, как говорили, язвой желудка.

Воспользовавшись перерывом, члены бюро курили под открытой форточкой. Папиросный дым прибивало книзу, и он, путаный и заметно слинявший, робко вился за их спинами, пробираясь к окну.

— Ну, накурились? — спросил, появляясь, Шаронин. — Продолжим тогда...

Потушив папиросы, члены бюро расселись снова. Сел и Енютин. Один только Лужников остался стоять возле стола — то ли по забывчивости, то ли из какого-то упрямства.

— Садитесь, Лужников, — внимательно поглядев на него, предложил Шаронин. — В ногах правды нет.

— Правды нет,— повторил, усмехнувшись, председатель исполкома Рядченко. — Зато смирения хоть отбавляй!

Мальчишкой когда-то он ушел с отцом на заработки в Донбасс, а сейчас, четверть века спустя, вернулся в родной город областным руководителем. Крупные его руки со следами навечно въевшейся угольной пыли крепко сцеплены между колен, полы широкого пиджака топорщатся по бокам.

— Бывает и так. — Шаронин ничем не отозвался на шутку и озабоченно предложил: — Докладывай, товарищ Енютин. Пятнадцать минут.

Енютин понимающе блеснул карими, в морщинках глазами, раскрыл папку.

— Задание обкома о подборе и посылке работников в деревню мы, смею сказать, выполнили...

— Вы не о задании обкома, а о выполнении решений Пленума ЦК докладывайте, — поправили его.

— На постоянную работу в помощь районным и сельским партийным организациям из городского актива отобраны и посланы сто семьдесят три человека,— согласно кивнув головой, продолжал Енютин. — Персонально: двух секретарей горкома, председателя городского совета, секретарей многих заводских организаций отдали...

Он стал рассказывать о том, как решения Пленума всколыхнули коммунистов города, какой подъем вызвали в массах, а закончил совсем неожиданно прорвавшейся обидой:

— Одного меня только не посылают! Не доверяете? Или вину какую откопали?..

Все рассмеялись. Особенно охотно и заразительно смеялся Шаронин, не теряя, однако, какого-то одному ему известного счета на нежданную эту разрядку и на то, сколько времени остается Енютину для дальнейшего.

— Ну, та-ак, — проговорил он, вытирая веселые слезы. — Какие вопросы будут? Замечания?

Лужникову стало нестерпимо стыдно, но, очутившись здесь, на заседании бюро обкома, он уже понимал, что должен, как сказал Енютин, стоять на своем.

«У него — свое, а у меня — мое,— круто багровея, оправдывался он. — Пускай разберутся. По справедливости...»

Деятельность городского комитета партии по отбору и посылке работников в деревню была одобрена. Одновременно бюро обкома предложило не ограничиваться сделанным, помочь колхозам не только людьми, но и всеми другими средствами.

— А насчет твоей обиды, Енютин, — улыбаясь снова, сказал Шаронин, — можем заверить: здесь тебе не легче будет, чем посланным. Работай!

Открыв стол, он достал из ящика какие-то бумаги и испытующе, точно проверяя что-то, оглянулся на Лужникова.

— Переходим к последнему вопросу,— сообщил он.— На имя бюро обкома поступила апелляция члена партии Лужникова с жалобой на горком.

— Я не жалуюсь,— перебил, поднимаясь, Лужников.— А сигнализирую.

— О чем? — насторожился Костровский.

— Об огульном подходе...

— Подождите, Лужников. Я вам слова не давал,— сказал Шаронин и перелистал бумаги.— Вот данные: Лужников Федор Григорьевич, работает главным зоотехником треста совхозов. Член партии с третьего февраля тысяча девятьсот сорок пятого года.— Затем, будто подводя какую-то всезамыкающую черту, добавил: — Отказался ехать в Орланскую МТС и за это исключен из партии первичной организацией.

Обстановка в кабинете сразу посуровела. Чем-то она напомнила вдруг самому Шаронину, бывшему крупному политработнику, позднюю осень сорок второго года, Волгу, а Рядченке — партизанские леса на Смоленщине. Они молча и многозначительно переглянулись, давая знать друг другу, что понимают не только происходящее, но и в чем именно дело.

— Какой институт окончили? — спросил начальник областного управления сельского хозяйства Яковлев.

Шаронин кивнул:

— Отвечайте, Лужников.

— Окончил зоотехнический факультет в Тимирязевке...

— Взыскания были?

— Нет.

— Причина отказа от переезда в МТС?

— Я же говорил: болезнь жены.

Костровский нахмурился.

— Бюро обкома нужна правда, а не...

Сдерживаясь, Лужников повторил:

— У меня документы есть. Вот справки о ее болезни... я их и в горкоме предъявлял.

Шаронин не перебивал его. Происходившее только помогало лучше разобраться в сути дела.

— Еще вопросы? — спросил он, оглядывая Рядченко, второго секретаря Дуванова и остальных членов бюро.

Дуванов поинтересовался:

— Жена работает? Кто она у вас?

— Закройщица. Но сейчас не работает.

— Почему?

— Дети, хозяйство...

Секретарь по пропаганде Хорошеева, неторопливая, представительная, в синем, отлично сшитом костюме, броско подчеркивавшем сохранившуюся ее фигуру, участливо прищурилась:

— Давно болеет? Что у нее?

— Туберкулез,— еще не зная, что из всего этого выйдет, заученно отвечал Лужников.— Пятый год...

Чем дальше шло разбирательство, тем больше, казалось, склонялись на его сторону члены бюро.

«В самом деле,— думал Дуванов,— человек уже почти десять лет в партии, коммунист вроде как коммунист, ничем предосудительным не запятнан». Но в то же время суровый и требовательный внутренний голос, звучавший в нем с тех пор, как Дуванов помнил себя в партии — сначала фрезеровщиком на Брянском паровозостроительном заводе, затем политруком в Советской Армии, а после учебы — руководителем на многих и многих постах, куда его ни ставили,— все настойчивее требовал ответа: «А почему именно теперь, когда партии потребовались его знания и опыт, Лужников пытается остаться в сторонке?»

Енютин сидел напротив Лужникова и хмуро вертел ежастой головой. Ведь одновременно с апелляцией Лужникова как бы обсуждалось и решение городского комитета партии, его собственная оценка этого дела.

— Да-а, тяжелый случай,— задумчиво проговорил Яковлев, желавший поддержать Лужникова и в то же время опасавшийся, что это только еще больше осложнит его положение.

— А каково мнение горкома? — спросил кто-то.

— Енютин, ты что, воды в рот набрал?

— Мы свое решение вынесли.

— Исключили человека из партии и руки умыли,— осуждающе заметила Хорошеева, недолюбливавшая Енютина за колючие выступления на собраниях городского актива в адрес обкома и старавшаяся при всяком удобном случае уколоть его.

Шаронин понимал это, как и многое другое в людях, с которыми ему приходилось повседневно сталкиваться и работать, и, чуть поведя прищуренным глазом в сторону Дуванова, остановил ее:

— Анна Лаврентьевна!..

— Позволь еще один вопрос, Тихон Иваныч,— попросил Костровский.

Похоже было, что он нарочно приберег его под конец и теперь не вытерпел.

— Да.

— Зачем вы вступали в партию, Лужников? Скажите правду.

— Какую правду? — переспросил, побагровев, зоотехник.

— Чего вы хотите от партии? Что вас с нею связывает? Почему отказываетесь выполнять ее решения?

Лужников обвел взглядом весь кабинет, точно ища сочувствия, и опять достал справки.

— Вот моя правда,— проговорил он дрожащим от сдержанного волнения голосом.— Не верите — посмотрите сами! И насчет того, зачем в партию вступал... могу сказать.

Костровский не взял подсунутые бумажки. Они очутились у Хорошеевой.

— Не имеем мы права об этом спрашивать,— заметила она.

— Нет, имеем. Именем партии имеем,— возразил, повышая голос, Костровский.— И нам здесь, на бюро, нужна не часть правды, а вся она, понимаете, вся!

— Я все и сказал,— хмуро повторил Лужников.— Больше у меня ничего нет.

Шаронин знал, что имеет в виду Костровский. Через парткомиссию прошло уже несколько случаев, когда под теми или иными предлогами работники отказывались ехать в деревню. Каждый раз приходилось сталкиваться то с теми, то с другими внешне правдоподобными обстоятельствами и причинами, за которыми, однако, всегда крылось нечто другое.

— Сколько вы получаете в тресте? — поинтересовался он, знаком приглашая членов бюро послушать, что ответит зоотехник.

— В тресте у меня персональная ставка.— Лужников еще не понимал, чего следует опасаться, что скрывается за этим вопросом.

— Поня-атно,— значительно протянул Рядченко.— Вот вам и правда: здесь, в тресте, персональная ставка, а там, в МТС, только тысяча двести рублей! Торговаться с партией вздумали? Боитесь продешевить?

Морщинистое не по летам лицо Лужникова сделалось серым.

— Я не торговался,— забыв даже обидеться на этот раз, торопливо возразил он.— Это выдумали...

Хорошеева бегло проглядела справки и, не найдя, что с ними делать, положила их на стол Шаронину. Тот развернул помятые, захватанные бумажки и вдруг вспомнил:

— А где вы живете, Лужников?

Лужников похолодел.

— Где? Где? — будто прослушав, переспросил Енютин, сразу почувствовавший более глубокую, тщательно скрываемую причину его отказа от переезда в деревню.

— На Запольной,— не без труда выговорил наконец Лужников, стараясь показать, что не придает этому обстоятельству ровно никакого значения.

Шаронин дал ему немного придти в себя.

— Получили или снимаете у кого-нибудь? —

Copyrighted material

как ни в чем не бывало вскинул он белесоватые, выжидающе прищуренные глаза.

— Не-ет...

— А как же?

Енютин наконец догадался:

— Да он сам у себя живет! Вот какое дело... товарищи.

— Что же вы предлагаете? — спросил Шаронин.— Конкретно.

Хорошеева округло повела рукой.

— Я предлагаю ограничиться выговором.

— Во-от как? — Енютин удивился. — За что?

— За отказ выполнить решение партийной организации.

— Помолчи, Енютин,— придержал его Шаронин и опять выжидающе обернулся к Лужникову.

— Жил и во времянке, в бараке. А теперь, верно: сам у себя живу,— дрогнув, вызывающе сказал зоотехник, будто в самом деле был виноват в том, что выстроил дом и живет в нем, а не в казенной квартире.

Костровский удовлетворенно вздохнул.

— Добрались-таки до правды. И то — до всей ли?

— Теперь уж, похоже, до всей,— согласился Дуванов, пересаживаясь в кресле повыше.

Лицо Шаронина стало жестче. Под губами обозначились резкие морщинки.

— А по-моему, еще нет,— словно обещая что-то, проговорил он.— Если до этого совсем правды не было, то теперь мы хоть до чего-то докопались...

Лужников то багровел, то бледнел, как будто кровь приливала к его лицу и отливала вновь. Собираясь на бюро, он приготавливался внутренне совсем не к тому, что произошло, и чувствовал уже себя безнадежно запутавшимся.

— Кто хочет высказаться? — предложил Шаронин, давая понять, что спрашивать Лужникова больше не о чем и что дело, как говорится, яснее ясного.— Ну, что ж? Давай ты, Енютин! Тебе и карты в руки...

Енютин поднялся, зачем-то перевернул стул спинкой от себя и, облокотившись, приготовился говорить.

— Только коротко,— предупредил Шаронин.

— Коротко, так коротко.— Енютин обернулся, резко сказал: — Окопался ты, Лужников, как самый завзятый обыватель, да еще партийным билетом сверху прикрылся! Исходя из этого,— пояснил он всем,— городской комитет и подтвердил решение первичной организации об исключении его из партии. Считаем, что правильно. На фронте по-фронтовому...

— Фронтовые методы годятся не всегда,— назидательно возразила Хорошеева и, обратившись к Шаронину, попросила: — Позволь мне, Тихон Иваныч! Я считаю, у Лужникова имеются смягчающие обстоятельства.

— Какие? — не удержался Енютин.

— Да болезнь жены хотя бы. Городскому комитету следовало не штамповать однобокое решение первичной организации, а разобраться всесторонне.

— Нелогично! А как же тогда с работой? Посылать его в МТС или на месте оставить?

Усмехнувшись, Шаронин остановил секретаря горкома:

— Погоди, Енютин. Дай Анне Лаврентьевне закончить...

Но Хорошеева уже аккуратно подобрала жакет и села.

— Больше я ничего не имею.

Рядченко устало потер мясистое, тронутое редкими оспинками лицо. Заседание бюро шло четвертый час; хотелось размяться, перекусить, отдохнуть по-настоящему.

— А по-моему, дело тут не в мере взыскания. Главное в том, что такое сам Лужников. Коммунист он или так что-то, околопартийное? — Он обвел всех посерьезневшим взглядом и, не скрывая, признался: — Задать такой вопрос легко, а вот ответить...

Дуванов, вздохнув, согласился:

— Твоя правда, Иван Сергеевич. Но тут, сдается, дело ясное. Человек, который ставит какие бы то ни было обстоятельства своей жизни выше интересов партии, тем самым ставит и себя вне ее.

Потупившись, Лужников молча принял беспощадную правоту этих слов. В голове у него гудело, толчки крови отдавались даже в онемевших кончиках пальцев, с силой стиснувших край стула.

Костровский веско добавил:

— Девять лет вы, Лужников, в партии, а только сейчас, пожалуй, показали, что вы за человек. И не о взыскании идет речь, а о самой партийной сути: достойны ли вы носить звание коммуниста?

Боль не дала ему договорить. Махнув рукой, Костровский умолк и, привалившись к спинке стула, сгорбился.

Шаронин с минуту подождал, словно раздумывая над тем, что было сказано всеми. Судьба Лужникова решалась сейчас и, как на чашке весов, колебалась то в одну, то в другую сторону.

А дождь вперемешку со снежной крупой сек стекла, шумел по голым деревьям под окнами. Суровая и трудная это была весна, суровая и трудная не только для посылаемых в деревню работников, но и для него самого, для всего обкома. Прежнее руководство запустило сельское хозяйство в области, многие колхозы оказались в тяжелом состоянии. Нужно было выправлять положение и выправлять именно сейчас, нелегкой этой весной.

— Ну... все высказались? — спросил Шаронин, оглянувшись на Яковлева, так и не взявшего слова.— Тогда давайте вы, Лужников...

Лужников растерянно поднялся, словно не зная, что говорить, и желая оправдаться прежде всего. Шаронин боялся — он не сдержится; но зоотехник, будто подавив в себе что-то, негромко начал:

— Неправда, не из-за ставки я. И не обыватель.

Облизнув пересохшие губы, Лужников уставился в натертый вощанкой паркет и замолчал, собираясь с мыслями. Что-то еще и сейчас мешало ему сказать правду во всеуслышание. Ведь если начистоту, то не болезнь жены и не разница в заработной плате удерживали его здесь, в городе, а дом. Прикрывая нежелание расстаться с ним справками о болезни жены, Лужников зашел уже так далеко и так запутался, что не мог ни порвать путы, ни вернуться к истине.

— Неверно тут про меня. Я потому и обратился в обком, что не согласен с решением городского комитета...

Шаронин почувствовал, что Лужников и напоследок не скажет правды. Он положил карандаш и встал за столом, пряча в рукав пиджака исковерканную осколком кисть правой руки. Все, чем пытался оправдаться Лужников, было уже ненужно и жалко.

— Партия учит нас всегда говорить правду, одну правду и только правду,— напомнил он самому себе и всем, кто был на заседании.— И, признаюсь, я с большим волнением ждал вашего выступления, Лужников. Чуть не час бюро обкома помогало вам добраться до этой правды, но вы так и не отважились сказать ее ни самому себе, ни нам. Придется для этого дать слово рядовым коммунистам вашей партийной организации.

Открыв стол, он перелистал бумаги, достал написанный от руки листок. Члены бюро с любопытством подались ближе.

— Вот что они говорят. Правду, только правду, всю правду. Читаю: «А таким, с позволения сказать, коммунистам, как наш главный зоотехник Лужников Ф. Г., мешает выполнять решения партии самое обыкновенное обрастание. Лужников построил себе дом на ссуду, полученную от государства, и теперь дер-

Copyrighted material

На горе Канобили

Доктор физико-математических наук профессор Е. К. Харадзе.

Фото Я. Аврутина.

С горы Канобили, на которой расположилась Абастуманская астрофизическая обсерватория Грузинской академии наук, открывается вид на замкнутую цепь могучих горных кряжей. Канобили стоит среди этих вершин, как сестра в кругу старших. Они уступили ей самую густую сосновую чащу и, как это подобает старшим, став в круг, оберегли ее от ветров.

Не шелохнутся тут высокие сосны. Тихо и как-то очень деликатно падают наземь шишки. Небо над Канобили особенно чистое и прозрачное.

Еще в конце прошлого столетия на эту прозрачность и спокойствие неба Канобили обратил внимание крупный русский ученый профессор Глазенап. На склоне горы он построил маленькую башню (она сейчас отремонтирована и стоит у дороги как музей) и стал наблюдать звездный мир. Результаты наблюдений отличались точностью. С тех пор астрономы в течение полустолетия настаивали на открытии южной горной обсерватории. Удалось это сделать только при Советской власти. Организацию обсерватории на горе Канобили, недалеко от курорта Абастумани, поручили аспиранту Ленинградского астрономического института Е. К. Харадзе.

В начале тридцатых годов наука о Вселенной переживала эпоху, связанную с новым открытием межзвездного поглощения света.

С древнейших времен человек, разбивая религиозные мифы о происхождении мира, пытался проникнуть в тайны Вселенной.

Глаз астронома медленно изучал небо. Сначала этот глаз был не вооружен, а выводы и разгадки оставались в основном умозрительными. В 1609 году Галилей построил телескоп. На помощь пришли и другие приборы. Передовые люди уже знали, что Вселенная вечна и бесконечна, что звезды — это не маленькие светящиеся точки, а грандиозные скопления раскаленных газов, удаленные от нас на немыслимые расстояния. Солнце оказалось рядовой звездой средней величины. Вся солнечная система с Землей и остальными планетами — лишь маленьким семейством в огромном «звездном городе», называемом Галактикой и имеющем свои формы, законы движения и развития.

Около тридцати лет назад было установлено, что наша Галактика — это одна из многих миллионов галактик, находящихся во Вселенной.

Все эти выводы опирались на огромное количество наблюдений и расчетов. И все же кое-что предстояло пересмотреть. Было открыто, что межзвездное пространство не полностью прозрачно, что материальные частицы, неравномерно распределенные в космосе, в какой-то степени поглощают звездный свет. Значит, расстояния до звезд, определяемые по видимому нами свету, искажены, значит, размеры Галактики, а также ее форма и строение представлены не совсем правильно. Космическая пыль показала, что структура звездного мира не совсем такая, как это полагали до последнего времени.

В свое время мысль о поглощении света в Галактике высказал первый директор обсерватории в Пулкове В. Я. Струве. В начале нашего века русский астрофизик, ныне здравствующий член-корреспондент Академии наук СССР Г. А. Тихов начал эксперименты для выяснения закономерностей межзвездного рассеяния света. Громко, в полный голос об этом заговорили в тридцатые годы. Заговорили о практических методах исследования, о необходимости точных наблюдений и расчетов. Доктора физико-математических наук В. Б. Никонов, М. А. Вашакидзе и другие выполнили на Абастуманской обсерватории ряд крупных работ, связанных с этой проблемой.

В 1952 году вышла книга Е. К. Харадзе «Каталог показателей цвета 14.000 звезд и исследование поглощения света в Галактике на основании цветовых избытков звезд».

Молодым ученым вошел он в науку в пору самых горячих споров о межзвездной среде. Ему поручили основать в горах новую большую обсерваторию, и, создав ее, Евгений Кириллович Харадзе садится за давно задуманный научный труд.

С Канобили можно обозревать северное полушарие звездного неба. Большой 400-миллиметровый рефрактор направлен в звездный купол. Сквозь объектив видна звезда. Блеск ее еле-еле заметен. Значит, она безмерно далека? Раньше бы сказали: да. Но теперь наблюдатель знает: это обманчиво. Возможно, что космическая пыль заслоняет ее от нас. Теперь уже не мы, а наши приборы регистрируют, что она красная. Ее ли собственный это цвет? Звезда может быть красной сама по себе, от температуры составляющего вещества. А может быть, это покраснение лишь видимое — результат того, что свет преломился, проходя через огромные тучи космической пыли? Так, скажем, меняется цвет солнца, когда оно опускается к горизонту над пыльной степью и косые его лучи доходят до нас через толщу засоренной атмосферы.

На небе — миллиарды звезд. Подобно лесоводам, которые делят массивы леса на небольшие участки, астрономы выделили на небе для исследования 206 площадок. Харадзе взял первые 43. Каждую ясную ночь у большого рефрактора шла фотографическая съемка двумя камерами через желтый и синий фильтры. Фотографировался также для сверки стандартный участок неба. Каждая съемка длилась час. Потом в течение многих дней велась работа на сложных измерительных и вычислительных приборах. Так продолжалось 10 лет.

Ученый скопил до 800 фотопластинок (на каждой из них порой по нескольку тысяч мельчайших черных точек-звезд), до 300 тысяч всевозможных расчетов и вычислений. Теперь можно составлять каталог, который поможет на одной пятой части неба нарисовать точную картину межзвездной среды и распределения звезд в пространстве. Каталог — это наблюдения, документ, факт, а факты, говорил И. П. Павлов, — «это воздух ученого. Без них вы никогда не сможете взлететь. Без них ваши «теории» — пустые потуги». Работа Е. К. Харадзе и есть та самая «взлетная площадка», с которой можно устремиться в небо, это научные данные, на которых будут строиться многие исследования космогонического характера, связанные с проблемами строения, развития и происхождения небесных тел.

Под звездным куполом Канобили продолжается трудная, кропотливая работа: копится материал по другим неисследованным площадкам неба. Е. К. Харадзе поставил перед собой задачу продолжить составление каталога, чтобы в итоге совместных усилий советских обсерваторий (и обсерваторий всего мира) определить структуру межзвездной материи во всей нашей Галактике и уточнить наши представления о строении самой Галактики.

И. МЕСХИ

жится за него, как тот черт за свайку, боясь потерять. Какой же он после этого солдат партии, ежели выше всего ставит не государственные, не партийные, а свои, мелкособственнические интересы?»

— Вот это да-а,— протянул Рядченко.— Припечатали жука на булавку! Что ж ты раньше не показал нам их письмо, Тихон Иваныч?..

Шаронин положил листок. Голос его напрягся, зазвенел:

— Бюро ждало, что вы одумаетесь, Лужников, выберетесь на правильную дорогу. И не дождалось! — Помолчав, он заметил как бы между прочим: — А что касается болезни жены, то справки ваши никого не введут в заблуждение. Она действительно была больна несколько лет тому назад и давно вылечилась. У нас имеется подтверждение областного туберкулезного диспансера...

Сев за стол, он взял карандаш.

— Переходим к выводам. Какие будут предложения, товарищи?

Костровский тяжело поднялся.

— Я думаю, запишем: «За отказ от выезда на работу в машинно-тракторную станцию Лужникова Ф. Г. исключить из КПСС как перерожденца». Так?

— Правильно,— подтвердил, вздохнув, Дуванов и с нескрываемым сожалением поглядел на Лужникова, молча стоявшего возле стола. «Был коммунист, работник неплохой,— казалось, говорил его взгляд.— А теперь — черт-те что! Сам виноват!»

— Еще какие предложения будут? — спросил Шаронин и, обернувшись, напомнил Хорошеевой: — Анна Лаврентьевна, ваше...

Вспыхнув до ушей, Хорошеева самолюбиво потупилась:

— Я свое предложение снимаю.

После голосования Шаронин отпустил Лужникова и закрыл заседание.

Лужников, подавленный, опустошенный, шел к себе на Запольную и, пряча шею в поднятый воротник кожаного пальто, думал о случившемся, в который раз перебирая все обстоятельства, приведшие к этому.

Холодный ветер с дождем и снежной крупой бил ему в лицо, леденил щеки, колючие, тронутые налетом склеротического, в фиолетово-сизых прожилках румянца. Трудная это была весна, может быть, самая трудная и суровая во всей его жизни, и Лужников с болью и тревогой ощущал железное ее дыхание.

Жена открыла ему и тут же скрылась, чтобы не обдало холодом.

— Ужинай! Молоко в шкафчике, — сонно сказала она из-за перегородки, когда Лужников разделся. — И что так долго ты?

— Только кончили, — громче, чем следовало, отозвался он.

— Тише, ребят разбудишь! — рассердилась жена. — Ну и что... Федя?

Ветер дребезжал стеклами, хлопал калиткой. Будто кто-то бегал по крыше, гремя железом и озорничая.

Помолчав, она напомнила:

— Сходи-ка Майку посмотри. Да сена не давай: не ест!

Лужников не отозвался. Он сидел за столом, медленно жуя хлеб и запивая его молоком.

Партийный билет в потертой, обмявшейся обложке лежал перед ним вместе с другими документами на столе, и Лужников глядел на него невидящими глазами. Уходя с заседания бюро, он боялся, что воротят, заставят положить его, что Шаронин и все другие просто-напросто забыли об этом. Но никто не окликнул, не вернул Лужникова; и теперь партийный билет лежал перед ним, словно напоминая:

«Возьми! Раскрой...»

С давней фронтовой фотографии глянуло на него молодое загорелое лицо, радостно освещенное неожиданной улыбкой и живыми, неповторимо вскинутыми глазами. Легкие, в едва заметный шнурочек усы и сдвинутая на самую бровь пилотка придавали старшему лейтенанту молодцеватый и лихой вид, над звездочками на погонах были скрещены пушечные стволы.

Лужников загляделся на себя, остро ощущая, что невозвратимо потерял, утратил что-то. И скупые мужские слезы то ли по минувшей молодости, то ли по тому, что было связано с нею, против воли срывались с ресниц и сыпались по небритым его щекам.

Copyrighted material

Танцуют литовские колхозники

На сцене — многолюдный ансамбль в национальных золотисто-желтых и изредка зеленых костюмах.

На литовском языке звучит широкая, мощная песня о мире. Выступает народный хор колхоза «Раудонои велява», Шяуляйского района, Литовской ССР.

Как возник этот коллектив и почему именно он, а не какой-нибудь другой удостоен чести показывать свое искусство в столице?

Все началось с газетной заметки о том, что в Москве успешно выступал самодеятельный коллектив колхоза «Ленино кялю».

— Давайте и мы создадим кружок самодеятельности! — решили в деревне Мешкуйчай.

Вскоре в республике был объявлен конкурс на лучший самодеятельный колхозный коллектив. По условиям конкурса победитель получит право выступить на Всесоюзной сельскохозяйственной выставке.

Самым горячим энтузиастом оказался председатель колхоза Антанас Гердайтис: он в числе первых записался в танцевальную группу. Ну, а уж если председатель записался, остальных упрашивать не пришлось.

Так возникли деревенская капелла, хор и танцевальная группа — всего сто тридцать пять человек. Конечно, сперва было трудно и неладно. Но на помощь пришли консультанты республиканского Дома народного творчества, и дело стало спориться. Особенно удавались литовские народные танцы и хороводы: клеверок, малунелис (мельница), субателе (субботушка), гайдис (петух).

Окрыленные успехом, участники самодеятельности решили создать собственный танец — колхозный хоровод. И вышло вовсе неплохо. А затем попробовали и частушки сочинять. В них хвалили передовиков, критиковали нерадивых. И не без пользы! Один колхозник пристрастился к водке, опаздывал на работу. Едкая частушка «протрезвила» любителя выпивки.

Во время уборочной, возвращаясь под вечер с поля, где заготавливали корма для скота, заговорили о том, что неплохо бы создать песню о своем колхозе. Тут же, на ходу, принялись все вместе сочинять. Один предлагал строчку, другой поправлял. Целую неделю спорили, советовались. И создали хорошую песню.

Упорные репетиции после работы, а потом (сколько волнений!) конкурс. И — о радость! — ансамбль едет в Москву!

...Уже более часа длится концерт, и вы нисколько не скучаете. Танец сменяется песней, песня — хороводом. Вот началась пляска, в которой самому юному танцору шестнадцать лет, а самому старшему — семьдесят. Это папаша Карсокас.

Поют скрипки, гудит барабан, тонкими переливами откликаются ясеневые пастушечьи дудки. Они сопровождают шумный колхозный хоровод. Главные роли в хороводе исполняют председатель колхоза Антанас Гердайтис, свинарка Пране Тауянскайте, тракторист Витаутас Сидабрас и огородница Миглуте, дочь Гердайтиса. Отлично пляшут! А ведь это не лучшее из искусств, которым они владеют. Еще успешней они трудятся на полях и фермах там, у себя дома. Скажем хотя бы об одной — стройной восемнадцатилетней свинарке Пране Тауянскайте: она получила в минувшем году по двадцать три поросенка от каждой из восьми свиноматок и стала участницей Всесоюзной сельскохозяйственной выставки.

Разлетаются в вихре танца яркими колокольчиками длинные цветные юбки, проносятся расшитые васильками кофты, мелькают коронки на головах девушек, будто венки из живых цветов, вьются ленты. И кажется, что это не просто концертный хоровод, а праздник богатого урожая на позолоченной осенью колхозной земле.

В. РУДИМ

Фото Е. Умнова.

ЮЖНО-САХАЛИНСКИЕ ПРЕМЬЕРЫ

Три театра Южно-Сахалинска ежевечерне заполняются зрителями. Это и местные жители и приезжие из глубины острова, с побережья, с Курильских островов.

Нет, пожалуй, ни одной сколько-нибудь значительной новой советской пьесы, которая не была бы поставлена в Южно-Сахалинске. Из года в год репертуар обогащается и произведениями классики. Сегодня в областном драматическом театре спектакль «За власть Советов» В. Катаева. Принимая к постановке инсценировку, театр, разумеется, понимал ее несовершенства. Но коллектив, как рассказывает директор театра И. А. Усов, радовала возможность рассказать со сцены о мужестве советских людей в годы Великой Отечественной войны. Герои спектакля «За власть Советов» испытывают немало трудностей, иные — и горя. Тем большую силу приобретает их уверенность в правоте дела, которое они отстаивают. Об этом красноречиво повествует театр в спектакле, поставленном режиссером Б. Вороновым.

Высокий оптимизм постановки возникает от пристального, любовного внимания режиссера и актеров к внутреннему миру героев, к их психологии, от проникновения в их самые сокровенные думы и чаяния. Тщательно прослеживается развитие характеров и духовный рост Черноиваненко (В. Герке), Синичкина (М. Демиховский), супругов Колесничуков (Р. Маленкова и Б. Горохов).

Суровой правдой и мужественной простотой насыщен спектакль. Вот один из самых удачных его эпизодов. Мать и дочь Перепелицкие вместе с пионером Петей Бачеем готовятся к эвакуации. А когда Матрена Терентьевна (А. Зубарева) уже вышла к стоящей у ворот машине, через окно медленно взбирается в комнату смертельно раненный матрос (Е. Скитецкий). Умирающий вручает Пете на сохранение флаг корабля и падает замертво. Валентина (Т. Красотина) и Петя (Т. Смирнова), уходя, бросают прощальный взгляд на погибшего моряка. Невдалеке уже слышны вражеские голоса. И тут происходит неожиданное: матрос поднимается, он вырвал еще несколько минут у смерти. Нечеловеческих усилий стоит ему снова добраться до окна и вскинуть автомат. Метко направлена очередь, об этом можно судить по крикам и стонам врагов. Бурей аплодисментов провожает зрительный зал эту героическую сцену.

Глубокое впечатление оставляет и другая картина: советских разведчиков Дружинина (И. Чугунов), Святослава (П. Горюнов) и Валентину ведут на расстрел. К забору прильнули люди, жаждущие запечатлеть в своей памяти мужественный облик партизан. Торжественную тишину на какую-то секунду прорезал резкий вскрик матери Святослава, но и она взяла себя в руки. И вот проходят народные герои — гордые, непокоренные хозяева города...

Большой популярностью на острове пользуется корейский театр. Несколько лет не сходит с его сцены пьеса «Чунхян», которая воспроизводит старинное корейское предание о простой девушке, терпящей множество невзгод из-за того, что она имела несчастье приглянуться губернатору, и об ее возлюбленном Дорене, защитнике угнетенных. Последняя постановка корейских артистов — «Седая девушка» (режиссер Я. Юфа). Исполнители здесь создают глубоко правдивые образы. Сколько неподдельной искренности в игре артистки Татьяны Сон, играющей юную Си-эр! Трагическую роль отца девушки — старого Ян Байлао, вынужденного отдать любимую дочь в руки помещика,— талантливо исполняет артист Николай Ни. Спектакль отличается тщательно продуманным воспроизведением образов пьесы.

«Седая девушка» в корейском театре. Сцена из I акта. Ян Бай-лао, отец Си-эр (Н. Ни), Си-эр (Т. Сон).

Фото А. Югая.

...Поздний вечер. На центральную улицу Южно-Сахалинска вливаются с разных направлений потоки нарядно одетых людей. Они оживленно обмениваются впечатлениями, спорят об актерском исполнении отдельных ролей.

Вл. БЛОК

Южно-Сахалинск.

«За власть Советов». В воротах — Валентина (Т. Красотина), Святослав (П. Горюнов). Слева за оградой — Дружинин (И. Чугунов).

Фото Г. Соколова.

ПАМЯТНИК РУССКОЙ ДОБЛЕСТИ

Н. ЛАВРОВ

Специальный корреспондент «Огонька»

Несколько ступеней спиральной лестницы — и вы вдруг оказываетесь в центре гигантского сражения, происходившего сто лет назад у стен Севастополя. Малахов курган, 4 часа 45 минут утра 6 (18) июня 1855 года. Выглянувшее из-за горизонта солнце косыми лучами осветило поле боя.

Штурм севастопольских укреплений в самом разгаре. Вдали сквозь дымы разрывов видны первый и второй бастионы укреплений, вот уже в который раз яростно, но безуспешно атакуемые врагом.

За спиной героических защитников раскинулся их родной город Севастополь. Он тоже в дыму пожарищ. Вражеский флот, приблизившись к берегу, начал обстрел города. Затопленные русские парусные корабли преграждают неприятельской эскадре вход в бухту.

Такова величественная и незабываемая картина, открывающаяся взору со смотровой площадки возрожденной панорамы обороны Севастополя. В ярких образах оживает памятная страница отечественной истории, повествующая о беспримерной доблести и отваге русских людей, защищавших героический город от иноземных захватчиков.

Сегодня двери Севастопольской панорамы вновь открываются для посетителей. К столетней годовщине обороны города-героя от англо-французских войск завершена работа по возрождению одного из замечательных произведений батальной живописи.

Напомним кратко историю панорамы. Мысль о ее сооружении возникла в 1901 году, во время подготовки к 50-летнему юбилею обороны Севастополя. Выполнение этой задачи было поручено известному художнику-баталисту, профессору Академии художеств Францу Алексеевичу Рубо.

Летом 1904 года художник закончил работу над картиной, и осенью ее доставили в Севастополь. Огромное полотно было намотано на четырнадцатиметровый деревянный вал и лежало на двух сцепленных железнодорожных платформах. К этому времени в городе, на Историческом бульваре, уже было построено специальное здание для панорамы. В работе над картиной Рубо помогали известные впоследствии советские художники М. Греков и М. Авилов.

С большим мастерством Ф. А. Рубо передал на полотне ратный подвиг защитников Севастополя. По своим достоинствам, по исторической точности Севастопольская панорама не имела себе равных в мире.

Но этой прекрасной картине пришлось пережить события, подобные тем, которые изображены на ней самой,— новое вражеское нашествие. Во время обороны Севастополя в дни Великой Отечественной войны советское командование всячески старалось уберечь замечательный исторический памятник. Близ панорамы запрещалось устанавливать зенитные батареи и располагать другие военные объекты. Однако 25 мая 1942 года фашистские самолеты совершили массированный налет на Исторический бульвар и подвергли панораму варварской разрушительной бомбардировке. В горящее здание кинулись военные моряки, предводительствуемые художником Анапольским, служившим на флоте в звании старшины. Они разрезали на части полотно, спасая его от огня. Куски холста были доставлены на военный корабль и затем вывезены в Новороссийск. Так было спасено 36 кусков полотна различных размеров и форм. Они имели более шести тысяч повреждений. Весь передний предметный план панорамы погиб безвозвратно.

Вскоре после окончания войны решили восстановить панораму. Был создан творческий коллектив во главе с народным художником РСФСР В. Н. Яковлевым. После его смерти работы по воссозданию панорамы возглавил действительный член Академии художеств СССР П. П. Соколов-Скаля.

Уже первое знакомство художников с остатками полотна показало полную невозможность реставрировать панораму — подновить уцелевшие куски и склеить их воедино. Поэтому картину надо было писать заново, на новом холсте. Но, прежде чем приступить к этому, творческий коллектив проделал огромную предварительную работу.

Тщательно исследовали уцелевшие фрагменты панорамы, живописные приемы автора. Карты, планы, рисунки, исторические документы, воспоминания участников обороны, музейные экспонаты — все это внимательно изучали художники. Большую помощь им оказала группа консультантов, руководимая Адмиралом флота И. С. Исаковым. Военные инженеры и историки составили точный план фортификационных и других сооружений Малахова кургана в день штурма.

В апреле нынешнего года весь творческий коллектив приехал в Севастополь. К этому времени в здании панорамы уже было натянуто и загрунтовано полотно. Гигантский холст площадью более полутора тысяч квадратных метров специально для панорамы изготовили текстильщики ленинградской фабрики имени Тельмана.

Прошло менее полугода с тех пор, как на белом холсте появились первые мазки,— и сейчас перед взором зрителей уже ожила славная баталия. Для столь грандиозного полотна срок очень короткий.

Панорама воспроизводит картину Рубо. И в то же время это не копия, а новое произведение живописи, тем более, что полную

Даща Севастопольская принесла солдатам воды. Фрагмент панорамы.

Башня Малахова кургана. Фрагмент панорамы.

Copyrighted material

Посетители осматривают панораму.

копию снять было практически невозможно: немало кусков холста Рубо погибло, многие сильно попорчены, и зачастую изображение на них только угадывается.

На новой панораме мы видим несколько фигур защитников Севастополя, отсутствовавших на полотне Рубо. Возвращается из поиска матрос Кошка с пленным французом. Матрос Александров, прославившийся тем, что гасил вражеские бомбы, заливает водой упавшее на батарею ядро. Ярче показан адмирал Нахимов, который был едва заметен на старой картине. Мастерски изображен приезд Пирогова на Малахов курган.

Все эти добавления сделаны с большим тактом и органически вливаются в общую композицию Рубо. Новые эпизоды введены не произвольно, а в строгом соответствии с исторической правдой и бесспорно обогащают панораму.

Во всем художники стремились соблюсти максимальную историческую достоверность. Даже солнце, которое выглядывает из-за горизонта, изображено так отнюдь не по прихоти живописца. Штурманы Черноморского флота однажды получили необычное задание: вычислить, где находилось солнце в 4 часа 45 минут утра 6 (18) июня 1855 года, если смотреть с Малахова кургана. Был дан точный ответ, которым воспользовались художники.

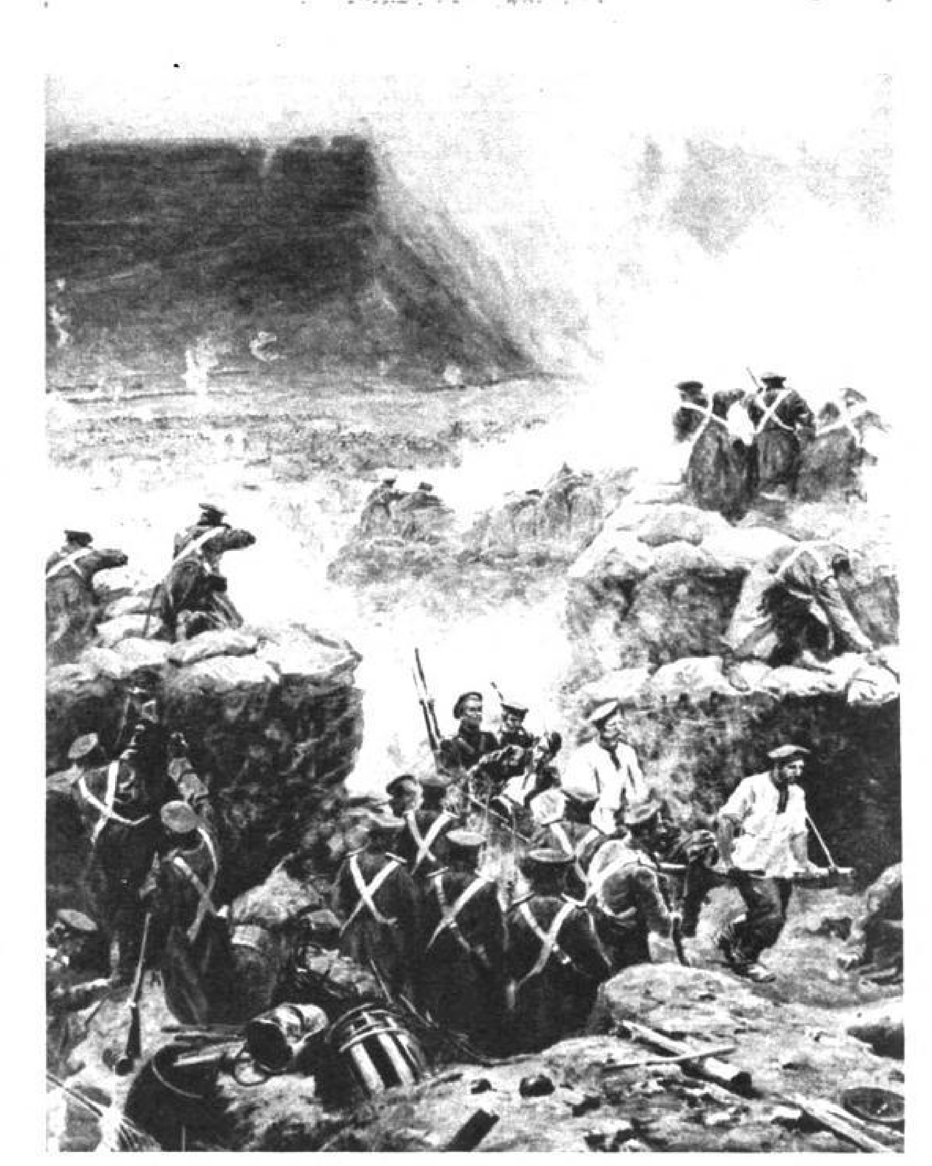
Заново сделан весь предметный план панорамы по чертежам военных инженеров и историков. Здесь много потрудились художники Н. И. Фирсов и Б. Н. Беляев. Иногда инженерная наука вступала в конфликт с требованиями изобразительного искусства. Но эти «конфликты» быстро разрешались еще и потому, что консультант инженер-полковник А. Н. Кузьмин — сам живописец-любитель. Всегда находилось решение, которое соответствовало исторической точности и требованиям искусства. Закончив работу на холсте, живописцы В. Е. Памфилов, Н. И. Плеханов, Г. А. Захаров, Н. Г. Котов переключились на обработку переднего плана.

Воссоздание панорамы — коллективный труд большой группы советских художников. Старейший панорамист Н. Г. Котов, баталистка Юлия Трузе, художники П. М. Шухмин, А. П. Романов, Б. Ю. Лоран, опытный пейзажист-декоратор В. И. Гранди, отличный рисовальщик и знаток перспективы Н. К. Соломин — каждый из них внес свою лепту в общее дело. Хорошо поработали молодые живописцы Алексей Мерзляков, Евгений Лобанов, Александр Суханов и Борис Коржевский, порадовавшие свежестью колорита и незаурядным мастерством.

Павел Петрович Соколов-Скаля сумел сплотить художников в дружный творческий коллектив, был его душой и руководителем. Картина, над которой трудились два десятка человек, сейчас едина по живописному почерку. Многоопытный баталист, он сам неутомимо работал над холстом.

Еще задолго до открытия панорамы здесь побывали тысячи людей, оставив восторженные записи в книге отзывов. Побывали моряки кораблей Черноморского флота, трудящиеся города-героя, отдыхающие крымских здравниц.

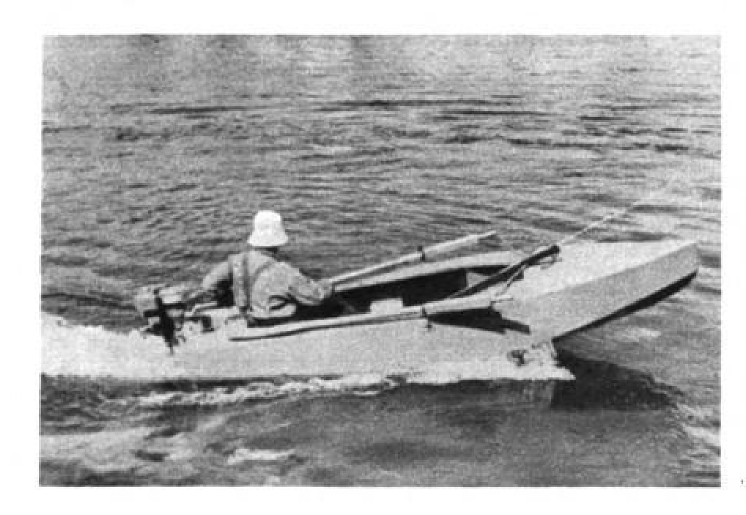
Второе рождение панорамы — крупное событие в нашем искусстве и замечательный памятник героям обороны Севастополя.



Матрос Кошка возвращается с пленным французом. Фрагмент панорамы.

Военный консультант инженер-полковник А. Н. Кузьмин и художники (слева направо) П. П. Соколов-Скаля, Н. И. Фирсов и Н. Г. Котов сличают воспроизведенные укрепления Малахова кургана со старинной картой.

Пирогов прибыл на медицинский пункт. Фрагмент панорамы.



Любительская лодка-моторка

Москвич В. К. Грибовский по состоянию здоровья вынужден был оставить работу.

Страстный рыболов и охотник, в свободные зимние вечера он сконструировал лодку-моторку, устойчивую, легкую и дешевую. 7 листов фанеры, 11 метров мадаполама, клей, гвозди, несколько сосновых реек — и лодка, построенная в комнате, «сошла со стапелей»! Небольшой трехсильный мотор «МЛ-1» емкостью в 175 куб. см был куплен в магазине «Динамо».

Летом В. К. Грибовский с товарищами совершал на этой лодке увлекательные поездки по Волге, Оке. Захватив охотничьи ружья, фотоаппараты и рыболовные снасти, они отправлялись на водохранилища Истры, Клязьмы. Лодка полностью оправдала надежды спортсменов.

Принцип конструкции прост, и по несложным чертежам построить такую лодку может и любитель. За последнее время много людей стало обращаться с вопросом: лодка очень легка, но... как доставить ее к воде, не имея своей автомашины? Автор конструкции «добавил» легкую подставку с двумя парами колесиков; лодку выносят на шоссе, дорогу, ставят на колесики и... прицепляют к машине или фургону.

Р. КАНДЕЛАКИ

Отважный мореплаватель

Советская общественность отметила столетие со дня смерти выдающегося русского мореплавателя, исследователя побережья Аляски адмирала Александра Павловича Авинова.

В 1821 году, участвуя в кругосветном плавании под командой капитан-лейтенанта М. Н. Васильева, Авинов составил первое описание части побережья Аляски и западной стороны острова Нунивок.

Имя Авинова носят один из открытых им мысов на побережье Аляски и гора на острове Гагемейстера. Военное искусство Авинова, проявленное им в 1827 году, получило мировое признание.

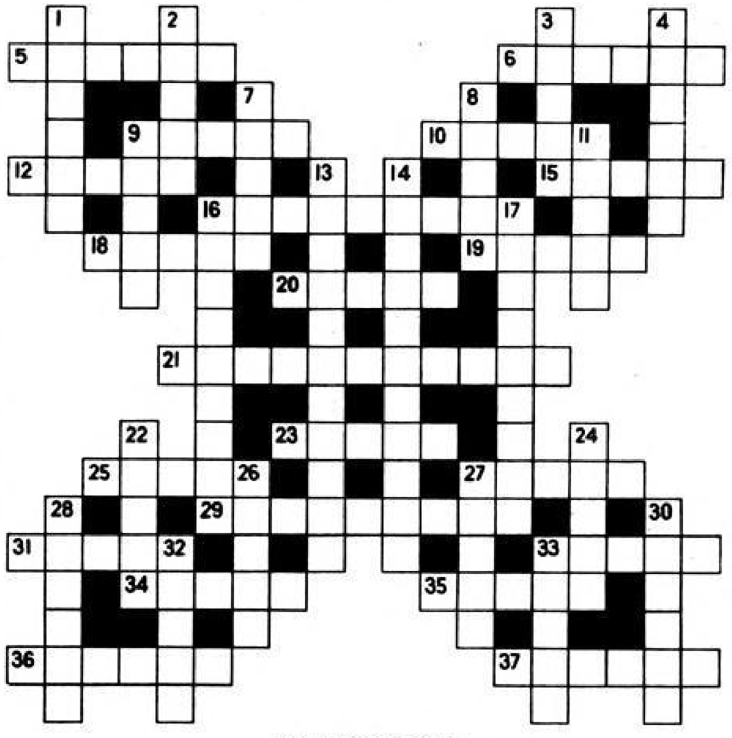
Последние 20 лет своей жизни Авинов помогал М. П. Лазареву в реорганизации Черноморского флота и строительстве Севастопольского порта.

Из 68 лет своей жизни Авинов провел на флоте более полувека.

Недавно в Центральном Военно-Морском музее в Ленинграде найден неопубликованный и пока единственный портрет отважного мореплавателя.

В. МАКСИМОВ,
действительный член Географического общества СССР.

КРОССВОРД



По горизонтали:

5. Советский художник-карикатурист. 6. Венгерский танец. 9. Стая. 10. Западная часть Азовского моря. 12. Деньги, внесенные на хранение. 15. Сочетание музыкальных звуков. 16. Персонаж поэмы Н. В. Гоголя «Мертвые души». 18. Знатный московский токарь. 19. Персонаж романа В. Лациса «Сын рыбака». 20. Дикая австралийская собака. 21. Советский порт на Тихом океане. 23. Сторона прямоугольного треугольника. 25. Лесной зверек-грызун. 27. Горизонтальная горная выработка. 29. Должность врача. 31. Музыкальный инструмент. 33. Опера Р. Леонкавалло. 34. Столица союзной республики. 35. Советский писатель. 36. Стихотворение М. Ю. Лермонтова. 37. Пролив, соединяющий Черное и Мраморное моря.

По вертикали:

1. Каменное изваяние в Египте. 2. Мысль, приводимая в доказательство. 3. Птица. 4. Одна из вершин Большого Кавказа. 7. Русский изобретатель, разработавший способ прокатки броневых плит. 8. Дощечка с надписью. 9. Растение из семейства осоковых. 11. Рудник. 13. Видоизменение. 14. Механическое соединение разнородных предметов. 16. Русский писатель. 17. Прибор для определения скорости и силы ветра. 22. Единица измерения электрического сопротивления. 24. Руководитель факультета. 26. Приток Сыр-Дарьи. 27. Польский композитор и пианист. 28. Вечнозеленое растение. 30. Жидкость, получаемая сухой перегонкой дерева. 32. Химический элемент. 33. Тропическая змея.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 41

По горизонтали:

7. Рентгенология. 10. «Сеятелям». 11. «Крокодил». 13. Троллей. 15. Клинкер. 16. Циркуль. 17. «Март». 18. Краб. 19. Шелкопряд. 20. Вика. 22. Вкус. 23. Квартет. 25. Фактура. 26. «Теремок». 27. Километр. 29. Кременец. 30. Собеседование.

По вертикали:

1. Вертолет. 2. Столбец. 3. Сейм. 4. Лоск. 5. Поросль. 6. Шиповник. 8. Реорганизация. 9. Литературовед. 12. Циклотрон. 14. Инглава. 15. Кларнет. 21. Антропов. 22. Введение. 23. Краевед. 24. «Тегеран». 28. Ржев. 29. Крот.

Сила материнского инстинкта

У моего товарища по работе был ирландский сеттер по кличке Пальма. Однажды хозяева собаки купили двухдневную козочку, намереваясь ее воспитать. Однако она упорно отказывалась от предлагаемой ей соски с молоком и была слишком мала, чтобы пить из блюдечка. С жалобным блеянием, тыкаясь мордочкой в ножки стола, кровати, стульев, козочка подошла к лежавшей в углу комнаты Пальме, кормившей своего щенка. Собака встретила ее сердитым ворчаньем, но позволила лечь около себя. Козочка, поймав сосок, стала жадно сосать молоко. Когда через несколько часов она снова подошла к собаке, та встретила ее уже без ворчанья, а на следующий день стала облизывать, обмывать ее так же, как своего щенка.

Хозяева оставили «Малютку» на попечение Пальмы, и та выкормила веселую козочку. Мурка, как назвали ее, даже став взрослой козой, возвращаясь с поля, ложилась спать рядом с собакой. Когда у Мурки появились козлята, она, отгоняя от них других собак, позволяла Пальме играть с ними.

Другой интересный случай связан также с Пальмой. На бахчу, где жили в то время ее хозяева, кто-то подкинул маленького больного котенка с сильно вздутым животом. Испытывая боли, котенок отчаянно пищал, беспомощно переваливаясь с боку на бок.

Пальма, услышавшая писк, подошла к котенку, некоторое время постояла над ним, а затем начала мордой и лапами катать и подталкивать его. Любопытно, что врачи-ветеринары при болезненном вздутии живота у коров и лошадей заставляют их много и энергично двигаться. К вечеру котенку стало легче, но Пальма не оставила его, а перетащила к себе, и котенок уснул, прикорнув у бока собаки. Этим было положено начало тесной дружбе кошки и собаки. Пискун, как был назван котенок, став солидным котом, мирно ел из одной чашки с Пальмой.

В. В. ИВАНОВ,
профессор, доктор биологических наук.
Уральск.

Хорошо, что не у меня 13-й номер...

Эх, опять 13-й номер подвел...

Рисунки Ю. Черепанова.

В этом номере на вкладках: четыре страницы репродукций картин С. И. Васильковского и четыре страницы цветных фотографий.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ: В. Ф. БАРЫКИН, А. С. ВАРШАВСКИЙ, И. П. ГОРЕЛОВ, В. С. КЛИМАШИН (зам. главного редактора), Е. Н. ЛОГИНОВА, Т. З. СЕМУШКИН, Н. С. ЩЕРБИНОВСКИЙ.

Адрес редакции: Москва, Д-47, ул. «Правды», 24. Тел. Д 3-38-61. Оформление В. Епанешникова.

А 06235. Подп. к печ. 13/X 1954 г. **Формат бум. 70 × 108⅛. 2,5 бум. л. — 6,85 печ. л.** Тираж 650 000. Изд. № 865. Заказ 2969. **Рукописи не возвращаются.**

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, Д-47, ул. «Правды», 24.

Copyrighted material

Блузки и юбки

Рис. А. Булкиной.

Нарядная блузка из легкой шелковой ткани; отделана плиссированной оборкой и вышивкой.

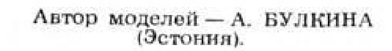
Шелковая блузка с цельнокроенными рукавами и кружевной вставкой. По линии вставки нашита широкая бейка, выстроченная мелкими складочками.

Нарядная блузка из крепжоржета. Спереди застрочены вертикальные складки с прорезанными уголками. Воротник-стойка завязывается бантом. Короткие цельнокроенные рукава заканчиваются отворотами.

Автор модели — Р. НИРЕНБЕРГ.
Ателье № 51 треста «Мосиндодежда».

Нарядная вечерняя блузка с широкими полудлинными рукавами и большим выкройным воротником, отделанным по краю вышивкой или кружевом. Перед блузки и рукава выстрочены по долевой нитке группами складочек-защипок.

Блузка из крепжоржета, органди или маркизета. Воротник-стойка выкроен вместе с планкой. Планка, воротник и манжеты оторочены узким рюшем. Спереди застрочены долевые складочки.



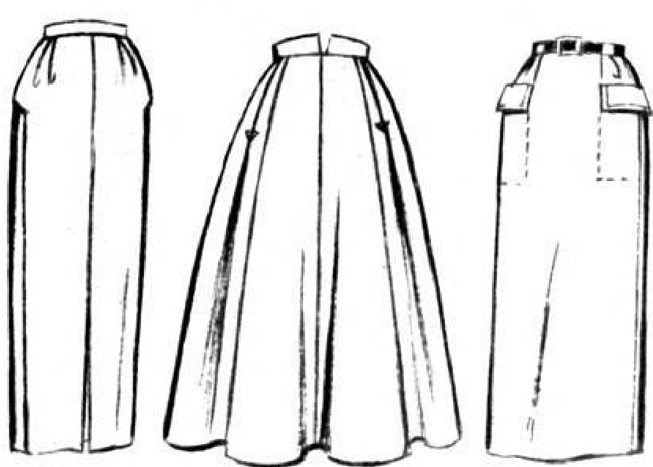
Автор моделей — А. БУЛКИНА (Эстония).

Внизу слева направо:

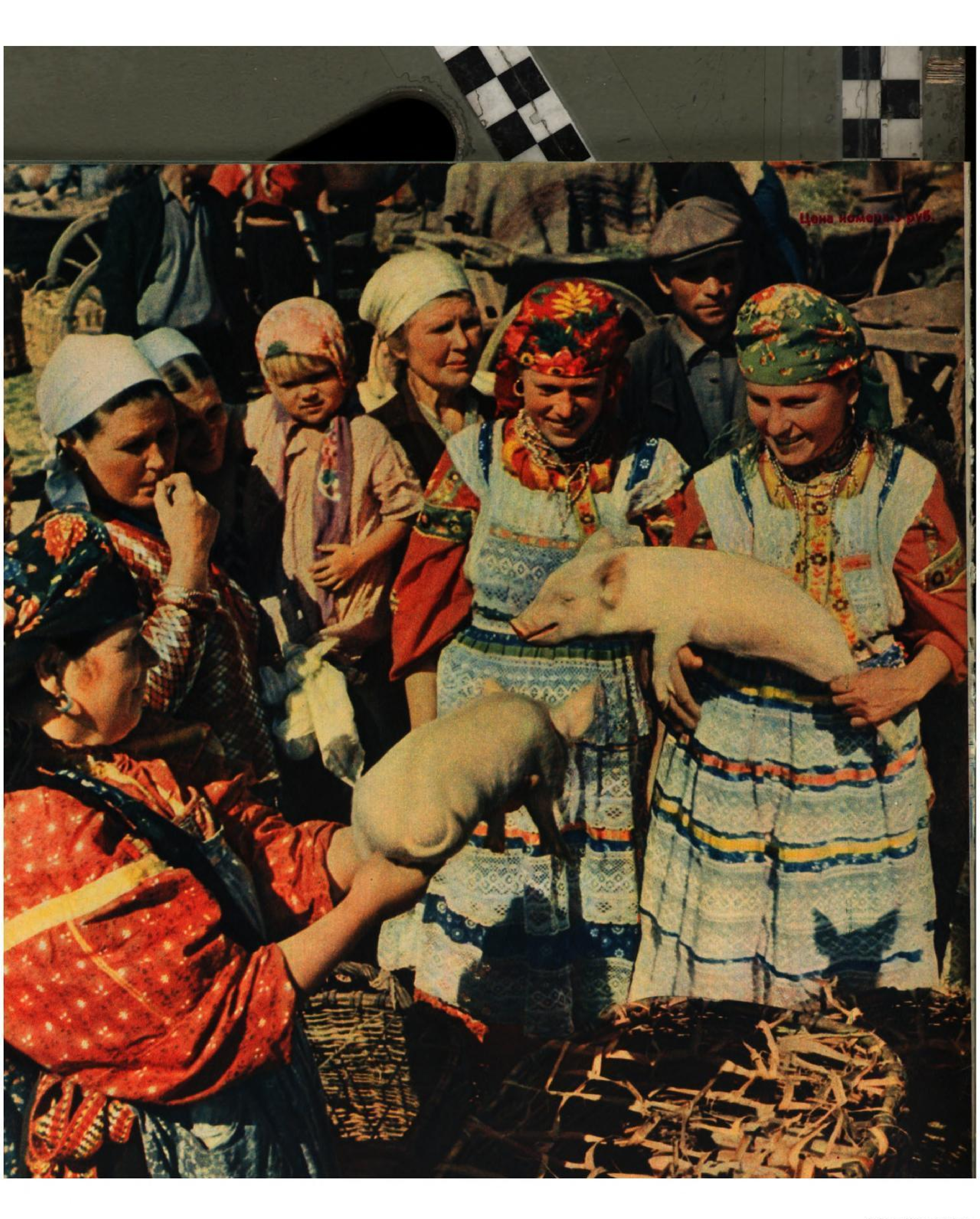
Юбка, слегка суживающаяся книзу и расширенная по линии бедер. Кроится кверху шире за счет раскашивания боковых и средних швов. Лишняя ширина закладывается мягкими складочками у карманов.

Широкая расклешенная юбка из семи клиньев. Боковые клинья спереди заложены неглубокими встречными складками, в которых прорезаны карманы.

Прямая юбка с внутренними карманами. Переднее полотнище вверху подрезано и отогнуто в виде клапанов карманов. В боковых швах заложены складки.



Copyrighted material



Copyrighted material